

КОСЯ В ШКОЛЕ

6+

Началка

Евгения Теплова

Евгения Сергеевна Теплова

Костя в школе. Началка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51423406

SelfPub; 2023

Аннотация

Сборник юмористических рассказов о школьных буднях ученика начальной школы Кости Куликова, для детей 8-13 лет. От Кости вы узнаете, что важнее: хорошие оценки или интерес к познанию, что значит "пролить кровь за друга" и "оказаться в неловком положении", а также: как завоевать сердце отличницы, не подвести команду на соревнованиях, заменить сбежавшего актёра на главной театральной премьере и многое другое.

Содержание

Евгения Теплова

Костя в школе. Началка

Не знаю, как начать. Вроде сел писать для себя, а представляю, что обращаюсь к читателю. Нет, всё-таки для читателя писать интересней. Так что привет тебе, неизвестный читатель! Меня зовут Костя. Я недавно закончил четвёртый класс и переехал из Москвы на дачу. На прошлой неделе у нас был выпускной, где мы играли в «мафию». Мой лучший друг Никита обиделся, что я его сразу вычислил и убедил других мирных жителей, что он мафиози. «По глазам вижу, по глазам вижу, – передразнил он меня после игры. – В прошлый раз я тоже знал, кто ты, но при этом защищал, чтоб дать тебе поиграть!». «А когда был прошлый раз, год назад?» – ехидно уточнил я. «Перед весенними каникулами», – ответил Никита тоном однозначного победителя в споре.

Я вообще не мог вспомнить ту игру, что меня очень огорчило. Поэтому я твёрдо решил записать всё самое интересное и весёлое, что помню о прошедших школьных годах.

Оценки не главное

Летом 2015-го года мне исполнилось семь лет, и первого сентября я пошёл первый раз в первый класс. Точнее – поехал. На автобусе с мамой. И с букетом георгинов самых разных цветов. Мы их вместе сажали и растили на дачной

грядке. А первого сентября мама всё утро заворачивала их в прозрачную бумагу.

Она крутила в руках букет, где георгины в странных позах плющились об обёртку, выдыхала и начинала всё заново.

– Вот увидишь, ни у кого не будет такого букета, – говорила она ободряюще.

Я жевал холодную гречневую кашу, и с этими словами она останавливалась на полпути к животу.

Я слишком хорошо помнил мамино «вот увидишь, ни у кого не будет такого костюма» перед новогодним утренником в детсаду, куда она нарядила меня снеговиком. Для этого она набила чем-то похожим на вату свою вязаную белую жилетку с капюшоном. Капюшон удерживался на голове с помощью шарфа, ещё была верёвочка на животе, резинка снизу и чёрная водолазка внутри (чтобы руки были похожи на палочки). На нос надевалась бумажная морковка. «Не жарко?» – спрашивала мама, когда я примерял дома костюм. «В самый раз!» – отвечал я, уверенный в том, что снеговика следует изображать на улице. Ещё мы нашли в парке длинную палку и берёзовые хворостины, из которых соорудили метлу. Так вот, снеговик начал таять, ещё не доковыляв до ёлки, – воспитательница вытащила меня, насквозь мокрого, из этого кокона, и утренник я провёл в водолазке и подштанниках с вялой морковкой на носу и метлой в руках. Да, как ни крути, костюма растаявшего снеговика больше ни у кого не было.

Удачно погрузившись в воспоминания, я незаметно для

себя съел кашу.

Измятая бумага тем временем была отправлена в мусорку. Мама перевязала букет красной лентой, оставшейся от коробки с тортом, замотала кончики стеблей мокрой тряпкой, а тряпку укрыла чёрным целлофановым пакетом.

– Только напомни мне снять пакет, когда подойдём к школе, – попросила она, явно уверенная в том, что и сама не забудет.

Я кивнул. Но мы, конечно, забыли, и с тех пор мама вздыхает всякий раз, когда смотрит мои первосентябрьские фотографии, где я выглядываю из-за растрёпанного букета, а на переднем плане развевается чёрный пакет с красной лентой.

Но не буду забегать вперёд. Тогда я вёз ещё бодрые георгины своей первой учительнице, которую зовут Наталья Сергеевна.

– Мам, Наталья Сергеевна?

– Где? – мама вертит головой.

– В школе.

– А, да, Наталья Сергеевна.

Она то и дело поглядывала на часы и тормошила мне чёлку. А вот и наша остановка. Мы бежали, перепрыгивая через лужи от вчерашнего дождя. Георгины радостно кивали в моей руке. Наконец мы замедлили шаг у школьной ограды и с пустынной улицы попали в пёструю и громкую толпу. Я, признаться, немного опешил и невольно потянул маму назад. Мама тут же наклонилась и заглянула мне в глаза:

«Костюш, всё хорошо. Уже завтра будет не так страшно, а через неделю совсем привыкнешь. Главное – не волноваться, помнишь?»»

Ещё бы!

Тут следует пояснить, что ещё задолго до начала моей учёбы мама волновалась, что я буду волноваться в школе. Например, из-за оценок. Сама она была круглой отличницей. Кстати, что значит «круглой»? Может, это в честь золотых медалек, которые я однажды нашёл на даче в нижнем ящике старого секретера? В общем, когда-то она их очень ценила и переживала, что не получит. А потом горько об этом жалела.

– Представляешь, Кость, – рассказывала она мне пятилетнему, – однажды я чуть в обморок не свалилась. Из-за какой-то тройки! Пошла забирать тетрадь, а в глазах темно, и ничегошеньки не видно. Шарю рукой по учительскому столу, а другой холодный пот со лба стираю...

– Мама, – попытался разобраться я, – так ты переживала из-за пятёрок или из-за троек?

– Из-за всех оценок, – сокрушалась мама, – столько здоровья на них положила, а зачем...

– Да уж, здоровье важнее.

Мама погладила меня по голове:

– Хорошо, Костя, что ты это уже понимаешь. А я вот глупая была.

Тут мама, конечно, преувеличивала. Прабабушка Аня (я

её звал бабаней) говорила, что мама гениальна от рождения, и тоже приводила немало историй в подтверждение. Например, в возрасте трёх месяцев мама показывала на холодильник, когда хотела есть. Я долго не мог взять в толк, что ж в этом гениального.

– А что у тебя болело от пятёрок? – справился я тогда у мамы.

Она замялась:

– Голова болела, зрение испортилось, осанка никудышная. А уж сколько нервных клеток потрачено впустую! Обидно до слёз! Лучше б для тебя их сберегла.

И хотя я слабо представлял, как бы следовало распорядиться этим сбережением, мне тоже было очень обидно.

А ещё мама никому не позволяла ставить её мне в пример.

Помню, на шестой день рождения бабаня подарила мне маленький рюкзачок.

– Какой у нас очаровательный первоклассник! – ахнула она, увидев меня с ним за спиной.

Бабушка часто рассказывала мне про школу, уроки, ребятшек, бегающих по коридорам.

– Будешь у нас отличником, как твоя мама, – дабавила она.

И тут откуда ни возьмись прилетела мама:

– Бабуль, ну на что ты подбиваешь ребёнка? Даром эти пятёрки не нужны!

– Как не нужны? – опешила бабушка. – А что же нужно?

– Нужен интерес к познанию! – сказала мама.

– Папа, а ты круглый отличник? – спросил я однажды за ужином. Папа даже поперхнулся.

– Нет, Костя, не круглый.

– Значит, ты всегда знал, что оценки не главное?

– Всегда, – уверенно кивнул папа.

– Тебе родители рассказали, или ты сам догадался?

– Сам, Костенька, всё сам.

– Молодец, – похвалил я. – А вот мама так намучилась.

И мы с папой тяжело вздохнули.

Где-то за полгода до поступления в школу разговоры о бесполезности оценок чуть не вытеснили сказку перед сном. Мне пришлось просить маму начинать со сказки, а уж когда глазки закроются – про школу. Мама, к счастью, согласилась, пробормотав нечто странное про подкорку, на которую всё запишется.

Не знаю уж, куда и чего она мне записала, но я ужасно боялся волнения из-за оценок. Но вот прошло два месяца в школе, а ни одной оценки нам так и не поставили. Всё какие-то галочки и плюсики. Как-то раз я решил поинтересоваться у Никитки, соседа по парте, почему Наталья Сергеевна нарисовала ему в тетради плюстик, а мне галочку.

– Так ты домашнее задание неправильно сделал, вот она тебе двойку и влепила, – обрадовал Никитка.

У меня холодок пробежал по спине.

– Какую ещё двойку?

– Обыкновенную. Галочки – это, считай, двойки, а плюсики – пятёрки.

Вот те на! Мама круглая отличница, а у сына уже куча двоек. Но я тут же вспомнил, что это совершенно не важно.

Встретив маму на школьном дворе, я гордо объявил:

– Двойка!

– Как двойка? – ужаснулась мама, но тут же взяла себя в руки. – Ты расстроился?

– Да вроде не очень.

– Это хорошо.

И я выдохнул с облегчением. Мама была в тот день очень весёлая.

– Можешь поздравить своего сына с первой двойкой! – торжественно объявила она папе.

– И что ж тут такого героического?

– То, что он не расстроился!

– А когда он в институт балл не наберёт, фейерверк устроим? – усмехнулся папа.

– Да причём тут институт? – разозлилась мама. – У ребёнка должно быть детство!

– Несомненно, – согласился папа.

Хоть папа меня и не поздравил, про оценки я и думать забыл. Сосредоточился на том, чтоб не терять интерес к познанию. А это было не просто. На математике, к примеру, я

его терял регулярно. Мне даже кажется, я видел, как он убегает за окно. А ещё чаще – за первую парту, где сидела, распотырив светлые косички, Маруся Скворцова. Её рука опускалась и поднималась, как шлагбаум. Она мне кого-то ужасно напоминала, но кого – хоть тресни, сообразить не мог.

– Костя, задержись, пожалуйста, – услышал я однажды вместе со звонком голос Натальи Сергеевны.

Ребята разбежались, а я уселся за Марусину парту. Место шлагбаума было ещё тёпленьким.

– Послушай, – начала Наталья Сергеевна, – у нас пока нет оценок, но это не значит, что их совсем нет.

– Конечно. Есть галочки и плюсики, – со знанием дела подтвердил я.

– Правильно. И по математике у тебя одни галочки.

– Да, – согласился я.

– Так дело не пойдёт.

– Почему?

– Потому что у тебя будет двойка в четверти.

– Оценки не главное, – вырвалось у меня. Видимо, из-под той самой подкормки.

– Кто тебе сказал? – прищурилась Наталья Сергеевна.

– Мама, – немного смутился я.

– А что же главное?

– Главное – это интерес к познанию.

– Ну и где ж твой интерес?

– Потерялся, – честно признался я.

– Тебя мама встречает? Попроси её заглянуть ко мне.

От Натальи Сергеевны мама вышла красная и тихая, но, как выяснилось, не сломленная. Оценки не стали важнее, зато она взялась пробуждать во мне интерес к математике. «Математика, Кость, это музыка», – сказала она весьма напевно. А потом как начнёт музицировать! Задача за задачей, одна интересней другой. У меня чуть голова не взорвалась – так я старался вникнуть в одну, пока мама не сочинит следующую.

– Мам, а давай ты мне лучше на подкорку запишешь, – нашёлся я.

Мама, кажется, расстроилась.

– Кость, неужели совсем не интересно?

– Ну, не совсем.

– Как же быть?..

В дверях появился папа.

– Могу поделиться опытом.

Мама вздохнула, а папа подошёл ко мне.

– Слушай меня, сынок. Интересса не будет, не жди напрасно. Будет война, десять лет войны с математикой. Либо ты её, либо она тебя. Чем раньше примешь бой, тем больше шансов на победу.

И, похлопав меня по плечу, папа вышел. С видом предводителя борцов с математикой. Его речь произвела впечатление: воевать казалось проще, чем музицировать.

– Мам, а ведь папа не был круглым отличником, – вдруг вспомнил я.

– Не был, – подтвердила мама.

– Но вы всё равно поженились.

– К счастью, мы не учились в одном классе, – рассмеялась мама.

– Но вы из одного института.

– Да, но папа старше, так что мы учились на разных курсах, – объяснила мама, а мне почему-то стало грустно.

С тех пор, как я принял бой от математики, дела пошли в гору, и к концу четверти я стал скорее плюсочником, чем галочником. Мне даже показалось, что Наталья Сергеевна заняла мою сторону в этой борьбе. Мама тоже успокоилась и лишь иногда, не сдержавшись, напоминала о грядущих контрольных. Но вот устранившись от подготовки к новогоднему конкурсу оказалось выше её сил.

– Мама, представляешь, – рассказал я ей в начале декабря, – у нас будет концерт, и на концерте будет поэтический конкурс – мы расскажем стихи собственного сочинения, а жюри выставит нам оценки.

– Ох, даже на концерте не могут обойтись без оценок! – возмутилась мама.

– Да это не важно, – отмахнулся я. – Представляешь, я, как услышал про конкурс, тут же и сочинил.

– Ну-ка, ну-ка, послушаю с удовольствием.

Зима-красна пришла сюда
И накрыла всё белым одеялом,
Но одеяло холодное,
Потому что снежное.

– Это всё? – спросила мама после паузы.

– Нас просили коротенькое. Ну как, красиво?

– Красиво, – согласилась мама, – только это называется
«белый стих».

– Вот и замечательно, – обрадовался я, – в самый раз.

– И правда, – снова согласилась мама.

Потом в течение недели она регулярно подсаживалась ко мне за стол, интересовалась домашним заданием и тут же переводила разговор на новогодний праздник.

– Сегодня выбирали членов жюри, – поведал я. – Марусю Скворцову выбрали.

– Это та отличница с косичками, которая тебе нравится?

Я покраснел и кивнул.

– Правда? – оживилась мама. – А на неё-то ты хотел бы произвести впечатление?

Я снова кивнул, хотя ни о чём таком не думал.

– Тогда послушай, как тебе такой вариант:

Чу, зима пришла в наш край,
Всё белым-бело.

Речка дремлет подо льдом,
А над ней буран...

– Это ты сочинила? – догадался я.

– Да.

– Зачем?

– Ну, – смутилась мама, – про запас, вдруг ты захочешь рассказать не белый, а обычный стих.

– Нет, не хочу.

– Ну ладно.

На следующий день история повторилась.

– Костенька, ты был абсолютно прав, – согласилась мама не понятно с чем, – то, что я вчера тебе предложила, не интересно. У всех будут такие. Чтобы занять первое... то есть чтобы достойно выступить, надо что-нибудь особенное, ни на кого не похожее. Например, шутовское, это всегда выигрышно.

Я молчал, и мама, не дождавшись моей реакции, продолжила:

– Я написала частушку.

– Что?

И она, подбоченясь, вышла на середину комнаты и не своим, а прабабушкиным голосом завела:

По стишку присочинить

Дали всем нам указанье.

Поэтом можешь *ты* не быть,

Но твой родитель быть обязан, у-ух.

– Ну как? – спросила мама. – Вот увидишь, такого стиха ни у кого не будет!

Я сделал бровки домиком, и мама тут же сникла.

– Ну, петь-то не обязательно, это я так, для примера... Не хочешь? Ну как хочешь... Пойду суп поставлю.

Мне было жаль маму, но не настолько, чтобы исполнить странную частушку на первом школьном празднике, где в жюри будет Маруся Скворцова.

Мама вернулась.

– Прости, Костюш, больше не буду к тебе приставать. У тебя замечательное белое стихотворение. Рассказывай и не переживай, хорошо?

– Хорошо.

Но я всё-таки переживал. За маму. И решил посоветоваться с папой, дождался дня, когда он встречает меня из школы. Оказалось, не так-то просто объяснить ему, в чём, собственно, вопрос.

– Так вот я и думаю – лучше рассказать свой стих или, может, мамин?

– Зачем мамин? – в третий раз не понял папа.

– Чтоб она не расстроилась.

– Почему она расстроится?

– Она хочет, чтоб я занял первое место, чтоб произвёл впечатление.

– Это она так сказала?

– Ну, не совсем. Но мне так показалось.

– Ох уж эта мама! Она сама-то понимает, чего хочет?

– Она хочет... чтоб я нечаянно всех победил.

– «Нечаянно всех победил», – задумчиво протянул папа, почесав затылок. – Совершенно точно. А ещё она хочет, чтоб я подарил ей на день рождения что-то полезное и приятное, но не духи и не украшения. И чтоб на 8-е марта я приготовил обед, вкусный и необычный! Необычный и вкусный, можешь себе представить?! И чтоб я выходил на работу вовремя, но при этом не оставлял тапочки посреди прихожей. И чтоб возвращался вовремя и с покупками... В общем, – спохватился папа, – я обязательно что-нибудь придумаю.

И папа начал думать. Я испугался, как бы он ни сочинил стихотворение. Никитка вот жалуется, что его папа уже две недели не спит и не ест, говорит исключительно рифмами, а стихотворение о зиме так и не сложил. Но мой папа не таков. Он, кажется, просто забыл о своём обещании. А улучшить момент, когда рядом нет мамы, довольно трудно. Но о чудо! Папа сам его улучил. Прямо накануне конкурса. И секретным голосом изложил секретный план.

– Слушай, сынок. Первое – выкинь из головы все стихи: белые, чёрные, все. Второе – поверь в себя. Я знаю, ты мо-

жешь сочинить что угодно когда угодно.

– Откуда ты знаешь?

– Я мог, и ты сможешь.

Я кивнул.

– Но раз мама хочет шутку, давай начнём с шутки. Микрофон будет?

– Не знаю.

– Если будет, убедись, исправен ли он.

– Как?

– Постучи по нему, подуй, скажи «раз, два, три».

– Зачем?

– Это будет смешно. Проверено.

– А если не будет микрофона?

– Загадай всем загадку: «Какой стих для зимы самый подходящий?»

– Какой? – спросил я.

– Белый. Но это всё так, для завязки разговора. В зале есть окно?

– Есть.

– Значит, смотришь в окно и что видишь, о том поёшь, понял?

Я вздрогнул.

– А зачем петь?

– Это фигурально. Что видишь, о том сочиняешь. Теперь три важных принципа. Первое – читать медленно, с выражением. Чем больше выражения, тем лучше. Не бойся повто-

ров – они усиливают эффект и помогут тебе избежать запинок. Второе – установить зрительный контакт с залом. И третье. Самая главная строчка в стихе – последняя, весь стих ради неё, понял?

Я кивнул. А папа снова задумался.

– Ну и хорошо бы что-нибудь о любви ввернуть.

– К зиме? – уточнил я.

Папа ещё что-то про себя прикинул и сказал:

– Ладно, забудь, это пока рановато. Всех пропускай, иди в конце.

День праздника наступил. Девочки в принцесных нарядах спешили в актовый зал. Маруся Скворцова в пышном голубом платье держала в руках таблички с оценками для участников поэтического конкурса. Все догадывались, что Маруся будет самым строгим судьёй, подбегали к ней, шутили. Но вид у неё был ещё серьёзней, чем обычно.

– Помочь? – предложил я.

– Спасибо, – согласилась она.

И мы пошли наверх.

Родители уже собрались в зале. Мама изо всех сил пыталась обратить на себя моё внимание, а когда это удавалось, делала всякие ободряющие знаки. Наверное, она думала, что я очень волнуюсь. Затрудняюсь сказать, волновался я или нет. Кажется, я ничего не чувствовал. А также ничего не слышал и не видел. Мама потом хвалила наши новогодние пес-

ни, а я вообще не помнил, чтобы мы пели.

– А теперь, – объявила Наталья Сергеевна, – поэтический конкурс. Жюри, прошу за судейские столики.

Маруся, ещё две девочки и два мальчика важно отправились за парты, поставленные впереди зрительских рядов. За ними я заметил директора, совершенно несерьёзного.

Мы оставались на сцене, где посередине водрузили микрофон на ножке.

– Кто у нас самый смелый поэт? – спросила Наталья Сергеевна.

Никитка выдвинулся вперёд и продекламировал четверостишие, из-за которого его папа не спал и не ел две недели:

– Стихотворение о зиме.

Добрый дедушка Мороз,
Он подарки нам принёс.
И теперь мы все тут вот
Дружно водим хоровод.

Раздались бурные овации.

– Замечательно, спасибо! – сказала Наталья Сергеевна. – Судьи, прошу оценки.

Никита получил пять четвёрок. Потом была ещё длинная череда поэтических шедевров, я пропускал всех вперёд. А вот и фаворит конкурса – Вергилия Спицына. Мы уже знали, что её мама поэтесса. Настоящая. Зал притих. Вергилия

прикрыла глаза и положила правую руку на сердце.

Тени на стекле,
Мысли в пелене,
Чувства взаперти,
В сердце конфетти.
Стоны проводов,
Звон колоколов,
Что ни говорим,
Пустоту творим...

Сколько там ещё было этих стонов, звонов, всполохов и шорохов, не сосчитать. Зал впал в оцепенение. Вергилия, окончив, слегка покачнулась. Мама-поэтесса вскочила и закричала «браво». Все судьи поставили пятёрки. Кроме Маруси, которая спросила, при чём тут зима. Мама-поэтесса выражала готовность объяснить, но её удержали на месте. А я наконец понял, кого мне напоминает Маруся, – мою маму. Да-да, у них совершенно одинаковые заборчики между бровей, когда они готовятся сказать что-то умное.

Тем временем я уже стоял у микрофона и решал, как лучше по нему стучать. Я тихонько стукнул его сверху кулаком, отчего микрофон издал вопль. Затем я дунул, как следует – микрофон зашипел. «Раз, два, три», – громко сказал я. В зале кто-то звонко рассмеялся. Мама. Так я узнал, на ком папа проверял эти трюки.

– Костя, с микрофоном всё в порядке, – строго сказала Наталья Сергеевна.

Я понимающе кивнул и объявил:

– Загадка. Какой стих для зимы самый подходящий?

Зал оживился, зашуршал.

– Белый, – выкрикнул кто-то. Кажется, папа.

– Правильно, – сказал я. – Тогда слушайте.

Тут я не удержался и глянул на маму. Она была бледная и смотрела как будто сквозь меня – небось в глазах потемнело, вот-вот в обморок хлопнется. И я скорей повернулся к большому окну.

– Снег идёт, – начал я медленно, совсем медленно, – метель бушует,

Это зимний снегопад,

Снегопад, снегопад,

Вихри снежные свистят.

Я даже сам удивился, как это у меня так ловко вышло. Я здорово воодушевился.

Вихри снежные свистят,

Хлопья снежные летят,

Тучи серые идут,

Хлопья снежные везут.

Голос у меня стал зычным, со всякими переливами. Я,

спохватившись, установил зрительный контакт с залом. А если быть точнее – с Марусей Скворцовой. В этом платье да с распушенными косичками она мне ещё сильнее нравилась. И я готов был поспорить, что она переживает за меня.

Это снежный караван,
Это яростный буран,
Это зимний ураган,
Это... холода капкан.

Я запнулся совсем чуть-чуть, но в этот момент что-то упало, и я подумал, что это мама хлопнулась-таки в обморок, и не осмелился посмотреть в её сторону.

Стих складывался хорошо, но требовалась последняя строчка, а она никак не находилась. И я продолжал, уже всю размахивая руками.

Ты в него не попадись,
Ты, дружок, поберегись!

И тут я нечаянно погрозил пальцем директору, который сидел в первом ряду.

Ветер яростно свистит,
Туча грозная летит.

Я чувствовал нерв зрителей как натянутую собственными руками тетиву и понимал, что пора стрелять, но чем? Я восстановил зрительный контакт с Марусей, на мгновение забыл обо всём на свете, а в следующее мгновение понял, какой должна быть последняя строчка. Но ещё недоставало предпоследней, и вихри закружились по новому кругу.

Это зимний ураган,
Это холода капкан...

Всё, вот она, попалась...

– Чтоб в него не угодить, – и тут я взял шикарную паузу, директор даже подался вперёд, – надо горячо любить, – тихим голосом закончил я и обвёл поверженный зал торжествующим взглядом.

В ту же секунду он взорвался аплодисментами, взметнулись ввысь таблички с пятёрками. Маруся даже забыла закрыть рот от восхищения, а мама была в сознании и, кажется, плакала.

– А стих-то совсем не белый, – игриво заметила Наталья Сергеевна.

– Белый я забыл, – признался я.

– Значит, мы были свидетелями блестящей импровизации? – улыбнулась она.

– Чего-чего? – хотел переспросить я, но вместо этого скромно кивнул.

И Наталья Сергеевна вручила победителю томик Пушкина А. С. Я взял и поднял его обеими руками над головой, как папины теннисисты по телевизору поднимают всякие кубки и тарелки.

Да, в тот вечер я понял всё. Ну, если не всё, то очень многое. Я понял, за что мама так любила пятёрки и за что недолюбливала четвёрки. Я понял, что значит волноваться из-за оценок и окрыляться успехом. И главное, теперь я окончательно понял, что оценки не главное. А интерес к познанию тем более. Главное то, что Маруся догнала меня в коридоре и сказала, что это лучшее стихотворение на свете. А папа похлопал меня по плечу и сказал, что это было круто, даже очень круто. А мама ничего не сказала, но время от времени промокала слезинки в уголках глаз. А яростный буран стих, и ровный белый снег сверкал россыпями драгоценных камней.

Кончен ураган, скрылся караван,
Белой скатертью укрыт асфальт...

«Эх, скорей бы следующий поэтический конкурс!» – размечтался я.

День всех влюблённых

У Никиты, моего лучшего друга, есть старший брат Ко-

ля. Когда мы учились во втором классе, он уже был в шестом. Иногда у него случалось хорошее настроение, и тогда он рассказывал нам что-нибудь интересное, а мы слушали с открытыми ртами.

В феврале он просветил нас по поводу грядущего дня всех влюблённых, когда ребята и девчонки будут писать друг другу открытки валентинки, класть их в специально оборудованные почтовые ящики, а специальные почтальоны будут разносить их по классам прямо во время уроков!

Никитка, кажется, пропустил всё мимо ушей, а я впечатлился и своим за ужином пересказал. Мама только отмахнулась: «Вам пока рановато». Папа вообще с трудом сообразил, о чём речь. А бабаня нахмурилась и пожаловалась родителям на ерундовые заморские праздники.

Но перед сном мама по-секретному спросила:

– А ты бы хотел отправить валентинку?

Я, честно говоря, об этом не думал, но почему бы и нет...

– Да, – сказал я в полудрёме, – Марусе.

– Хорошо, – обрадовалась мама. – Завтра сделаем, я тебя научу.

Назавтра я уже обо всём забыл. Но мама напомнила:

– Ну что, Кость, помочь тебе с валентинкой?

– Что? А-а, да нет, спасибо, я сам.

Начал вырезать из бумаги сердечко, а оно кривенькое выходит. Наконец получилось ровное, но размером с клубнику.

И тут подросла мама. С коробкой конфет.

– Что, ещё и конфеты дарить? – испугался я.

– Да нет, просто коробка красивая, нам пригодится.

Коробка действительно была красивая – с золотыми на красном фоне цветочками. Мама решительно её вскрыла и отрезала крышку. Я тут же потянулся за конфетой, а мама даже бровью не повела. Она пододвинула стул к моему столику, нарисовала сердце, сложила картонку пополам и принялась вырезать. Получилась настоящая открытка – внутри белая, а снаружи цветная. Покрутив её в руках, мама убежала в другую комнату. Вернулась с белыми кружавчиками и тут же начала приклеивать их по краю. Пока подсыхал клей, маму осенило, что у неё в книжке есть засушенные лепестки роз и они давно ждут своего часа. Я тем временем слопал третью конфету. Тут пришёл с работы папа и спросил, когда будет ужин.

– Скоро, скоро, потерпи, – сказала мама и продолжила колдовать над валентинкой.

– Я сейчас весь хлеб и весь сыр съем, – пригрозил папа.

– Я десять лет мечтала получить такое сердечко, – сказала мама, как будто не слыша папиной угрозы. И он, покачив головой, удалился.

Прилепив внутрь два гербария из серо-жёлтых и бурых лепестков, мама проделала с краю дырочки и завязала открытку красной ленточкой. А потом ещё спрыснула её папиным одеколоном, которому, видимо, тоже не нашлось иного

применения.

– А где же подписать? – спросил я в надежде, что эту валентинку мечты мама оставит себе.

– Мы подпишем конверт, – ответила мама. – Давай лучше я, чтоб твой почерк не узнали. Тайнственность очень важна в таких делах.

И мама своим ровным почерком, с длинными завитушками вывела на конверте: «Марусе Скворцовой 2-й Б от тайного поклонника». Я вздрогнул, но виду не подал.

Вот наконец весь комплект готов. Жаль только, хлеба на завтрак, небось, не осталось.

Как только довольная мама ушла на кухню спасать остатки сыра, я завернул конверт в целлофановый пакет – иначе бы у меня весь рюкзак пропах одеколоном.

«Вообще, с мамой нужно быть осмотрительней, – размышлял я по дороге в школу 14 февраля. – Денёк такой прекрасный, а этот пахучий конверт оттягивает рюкзак, как кирпич. Надо поскорее от него избавиться».

– Ну, не волнуйся, – как обычно, подбодрила меня мама, – всё будет хорошо.

Я вошёл в школу и сразу почуял: что-то не то. В вестибюле больше народа, чем обычно. Девочки хихикают, перешёптываются. А вот и почтовый ящик для валентинок, весь такой розовый и в сердечках, пронзённых стрелами. И что ж, класть туда свой конверт при всём честном народе? Нет

уж, дудки! И я отправился в класс.

Маруся, как всегда, пришла одной из первых. На её парте лежал рюкзак с приоткрытым передним отделением. Самой Маруси не было. Была только Вергилия Спицына, дочка поэтессы. Она стояла у окна и шурилась на утреннее солнце. Скорее всего, сочиняла. «Такой момент нельзя упустить», – решил я. Раз уж услуги почтальона не понадобятся, то можно обойтись и без конверта с кучерявой подписью. Я быстро извлёк конверт из пакета, из конверта открытку и мимоходом сунул её в карман Марусино рюкзака. А сам побежал из класса, пока она не вернулась, и в дверях налетел на Марусю, за спиной у которой был рюкзак!

– Костя, не проснулся, что ли? – строго спросила она.

И, пройдя в класс, обратилась к Вергилии:

– Привет, это твой рюкзак?

– Да-да, – рассеянно ответила Вергилия и продолжила сочинять, а Маруся отнесла его на место.

Сердце моё забилося часто-часто, я вспотел и разозлился на маму. «Всё будет хорошо, всё будет хорошо», – мысленно передразнил я её и сам же ответил любимой присказкой бабани: «Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего».

Подтянувшиеся в класс ребята начали готовиться к урокам. Предчувствуя катастрофу, я краем глаза наблюдал за тем, как Вергилия достаёт пенал... Конечно, вслед за ним на парту выпорхнуло сердечко в белых рюшах. Вергилия отшатнулась, как будто на стол выпала граната.

– Ах, девочки, что это! – воскликнула она.

Девочки тут же сбежались. Стали выхватывать сердечко друг у друга, ахать, охать, нюхать. Мне хотелось провалиться на этаж ниже, но тут прозвенел звонок, и в класс вошла Наталья Сергеевна.

Надо сказать, что Вергилия, в отличие от меня, до сих пор не приняла бой от математики, ну а уж получив сердечко, любовалась им, забыв обо всём на свете, только пару раз украдкой глянула на нас с Никитой – с чего бы, спрашивается?

Наталья Сергеевна вызвала её к доске. Вергилия услышала с третьего раза и пошла отвечать, не выпуская из рук валентинку.

– Вергилия, что это? – спросила Наталья Сергеевна, а я зачем-то покраснел.

– Любовное послание, – ответила Вергилия таким тоном, как будто она каждый день ходит к доске с валентинками.

– Можно посмотреть? – не без любопытства попросила Наталья Сергеевна. – Я не буду открывать.

– Конечно, там ничего не написано.

– Какая прелесть! – восхитилась Наталья Сергеевна, открыв это чудо мамино рукоделия. Наверное, она тоже одиннадцать лет мечтала получить такую. – Ладно, вижу, тебе сегодня не до математики. Садись. Куликов, к доске!

Я покраснел ещё гуще, но быстро взял себя в руки. Стою у доски, готовлюсь слушать условия задачи и вдруг замечаю,

что из кармана моего рюкзака торчит тот самый пакет, а Никитка водит носом, как будто унюхал что-то. Кажется, Наталья Сергеевна в этот момент что-то говорила.

– Да что ж с вами сегодня творится, – донеслось до меня издалека. – Никакого учебного процесса с этими праздниками. Маруся, выручай, пожалуйста. Куликов, садись.

Вернувшись на место, я первым делом запихнул пакет поглубже. Холодный пот снова прошиб меня при мысли о том, что было бы, если б Никита потянул за этот пакет и нашёл конверт, подписанный тайным поклонником Маруси Скворцовой... «Ну мама, ну погоди!»

– Это ты, что ли, валентинку подложил? – шепнул Никита.

– С ума сошёл?

– А чего ты такой?

– Какой?

– Красный, мокрый.

– Домашнее задание не сделал, – удачно соврал я.

Я потихоньку пришёл в себя. Ведь ничего страшного не произошло, только Маруся осталась без валентинки. Ну и что? Все, кроме Вергилии, без открыток. И тут у меня родился план.

– Никита, – сказал я другу на перемене, – все девчонки мечтают о валентинках, давай для всех сделаем.

– Ты что, спятил? Зачем?

– Им обидно, что Вергилия получила, а они нет.

– Ну и что?

– Ты мне поможешь или нет?

– Ты точно с ума сошёл.

И мы побежали к учительнице ИЗО, выпросили у неё несколько листов цветной бумаги, ножницы и пошли в туалет вырезать сердечки. Всего-то нужно было двенадцать штук. На первой перемене мы вырезали, а на второй подпisyвали.

В туалет зашли мальчики из старших классов.

– Ишь какие романтичные! – указал на нас один из них.

– Зря смеётесь, – ответил я. – У нас бумага остаётся – сделайте для своих девочек: увидите, какие они будут счастливые.

– А урок короткий, – добавил Никитка.

Мальчики переглянулись и забрали у нас остатки бумаги. А мы побежали вниз и вывалили свои сердца в почтовый ящик.

На четвёртом уроке в класс бесцеремонно ворвался парнишка с бумажным венком на голове.

– С днём святого Валентина! – провозгласил он. – У меня есть письма для прекрасных дам.

И он начал выкрикивать имена девчонок, а они вскакивали как ошпаренные и бросались за нашими неумелыми сердцами.

– И последнее, для Н. С., – объявил почтальон.

– Нет у нас никаких Инесс, – отрезала Наталья Сергеевна

таким голосом, что почтальон попятился к двери.

– Нет так нет, ошибочка, значит...

– Так это, наверное, вы, Наталья Сергеевна, – подсказал Никитка. И молодец, что подсказал.

Учительница смущённо улыбнулась, и почтальон торжественно вручил ей самое большое сердце.

Вот и закончился последний урок. Девочки бережно паковали свои валентинки, а я заметил, что Маруся как будто хочет мне что-то сказать, но не решается. Небось вычислила нас с Никиткой и хочет удостовериться. Я собрал рюкзак, попрощался. Спускаюсь по лестнице, а Маруся за мной. И вдруг такое вдохновение на меня нашло... Оторвался я от неё на один пролёт, выбросил пакет с конвертом прямо на лестницу, а сам за дверь в коридор спрятался и подглядываю в щёлочку. Маруся пакетик подняла, конверт достала, надпись «от тайного поклонника» прочла, понюхала и сморщила заборчик между бровей – соображает, значит. «Ну, – думаю, – такая задачка ей, конечно, раз плюнуть: что было в пустом конверте, кто тайный поклонник, ну... ну...» И тут она так улыбнулась, так улыбнулась – эту улыбку я уже никогда в жизни не забуду. И потихоньку пошла дальше, а я стрелой по коридору и в раздевалку, куртку со сменкой схватил и был таков.

Оделся на улице.

– Ты чего это? – удивился папа.

Я очень обрадовался, что сегодня он меня встречает. Я рассказал всё по порядку, папа весело смеялся.

– Папа, – сказал я в заключение, – сделай маме валентинку.

– Ну ты выдумал, – покачал он головой.

– Пап, ну пожалуйста. Увидишь, как она обрадуется.

Папа молчал.

– Вон магазин, купим конфеты, а из коробки вырежем сердце.

Папа вздохнул, но последовал за мной.

Мы нашли удачную коробку – с двойной крышкой. Одну мы сняли, сохранив приличный вид. Тут же купили ножницы и вырезали сердце. У папы оно тоже никак не выходило ровным, он кромсал и кромсал, пока я не остановил его, а то бы пришлось покупать ещё одну коробку.

– Напиши что-нибудь, – подсказал я, когда мы ехали в троллейбусе, и достал свой пенал.

Папа отвернулся и что-то написал. А я, между прочим, и не собирался подглядывать.

– Это тебе, – сказал папа маме, протягивая конфеты и сердце.

Мама сделала такие большие глаза. Но когда она открыла сердечную открытку, они стали ещё больше. Жаль, что папа в это время возился со шнурками.

– Ну, давайте скорей, – как обычно, поторопила мама,

только не таким голосом, как обычно, – обед стынет.

К обеду прилагался большой вишнёвый пирог.

– Ой, а что за повод? – удивился папа.

Мама ничего не ответила, а я секретно показал папе на сердце. Папа шлёпнул себя по лбу. И я тоже себя шлёпнул. «Как же я мог забыть про бабаню! Готов спорить, она тоже мечтала о валентинке одиннадцать лет, а то и двадцать, или тридцать, или даже все семьдесят!»

Диспансеризация

Диспансеризацию мы всегда очень ждём. Мало того, что отменяются уроки, так ещё столько веселья! Прямо настоящий «Форт Боярд», только надо собрать не подсказки, а печатки разных докторов. Удачно занять очередь, рассчитать, проскочить, везде успеть... это ж целая наука. «А ты прошёл невролога? А ты уже был у ортопеда? А какой у тебя рост?» Разведал и бегом дальше по коридорам. А поликлиника длинная, два этажа – есть, где разогнаться.

Во втором классе самым страшным врачом оказался психиатр – дядечка в узких очках со стрижкой-ёжиком. Даже Наталья Сергеевна понижала голос, когда проходила мимо его кабинета. Вместо того чтоб выведывать про семью, возраст и день недели, он вдруг начал спрашивать смысл пословиц, причём задавал всем разные! И пока ты соображаешь, он делает такой пристальный взгляд, как будто хочет заглянуть тебе в мозг. Мне досталась поговорка «работа не волк

– в лес не убежит», и я выдохнул с облегчением – папа часто её употребляет, когда мама его с чем-нибудь торопит.

– А-а, – говорю я, – это запросто. И в ту же секунду осознаю, что никогда не понимал её смысла. А психиатр уже бурлит мне дырку во лбу.

– Это, – говорю, – значит, что работа не волк, в лес не убежит.

– Что значит «не волк»?

– Значит «не волк».

– Ну и что?

– Раз не волк, то не убежит. Вот если бы работа была волком, могла бы убежать. В лес, например.

– Как убежать? – прищуривается психиатр.

– Ножками.

– Ножками? – переспрашивает он. – Или лапками?

– Лапками, лапками, – скорее поправляюсь я.

– А чем отличаются ножки от лапок?

К этому моменту я уже порядочно взмок.

– Лапки мохнатые, – выдаю я первое, что приходит в голову.

– А у ящерицы, значит, ножки?

Тут меня такая злость взяла, что я не вытерпел.

– У ящерицы, – говорю, – копыта.

Дядя-психиатр сразу весь преобразился – глаза над очками округлились, тонкие губы вытянулись в улыбку, рука изготовилась за мной записывать.

– Да, – обрадовался я, – у ящерицы четыре копыта. Я лично слышал, как она цокает ими по камню.

И я зачем-то начал изображать скачущую ящерицу, с трудом цокая пересохшим языком.

– Довольно паясничать, – остановил меня доктор. – Пригласите следующего.

– А вы не слышали? – поинтересовался я напоследок.

И зря. Что-то он мне там лишнего в карту начирикал, ну да ладно.

Никитке досталась поговорка «лучше синица в руках, чем журавль в небе». Так он принялся доказывать, что журавль в небе гораздо лучше, потому что красивее и свободнее. Дядя-психиатр возразить ничего не смог, и Никитка тоже огрѐб от него какую-то заметку.

А у ЛОРа всё как обычно (почему, кстати, ЛОР, а не УГН?). Посовала в ухо-горло-нос холодные железяки и послала в другой конец кабинета слух проверять. И тут за дверью началась какая-то буча. Это Никитка прибежал от ортопеда (он ведь всегда за мной или я за ним), а девчонки его не пропускают. Да, я забыл их предупредить, но могли бы и сами догадаться. Стою я спиной к доктору, она уже числа шепчет, а я слушаю, как там Никитка отбивается.

– Тридцать восемь, – шепчет тѣтя настолько громко, что даже не интересно.

- Никита за мной! – кричу я девочкам через дверь.
- Пятьдесят шесть, – продолжает доктор ещё громче.
- И хватит шуметь! – злюсь я.
- Девяносто девять, – кричит мне тётя.
- Девяносто девять, – повторяю я шёпотом.

Ну, невролог с молоточком – это классика. (Почему, кстати, невролог, а не нерволог?) Мы с Никиткой поспорили: у кого нога не дёрнется, тот и выиграл.

Доктор за молоточек взялась, я ногу на ногу положил да как напрягу.

– Расслабь ножку, – просит тётя.

А я головой мотаю, говорить не могу от натуги.

Смотрю, она уже готовится что-то в карточку писать.

«Ну, – думаю, – довольно с меня записки от психиатра, а то, чего доброго, лечиться отправят».

– Всё-всё, – говорю, – расслабил. Стучите как следует.

И она как стукнет, а нога как взбрыкнёт, тётя даже вскрикнула.

Никитка сразу за мной, и я не успел ему сказать, что затея вышла неудачная.

– Да что ж за дети у меня сегодня?! – слышу возмущение доктора.

Тоже мне, невролог и такая нервная.

Окулистка новых заданий не придумала.

Начала с цветных картинок в горошек. Я каждый раз забываю, в чём там подковырка. Смотрю во все глаза – девятка и девятка, больше ничего.

– Ну, что ты видишь? – торопит меня врач.

– Ничего особенного, – говорю.

– Цифру видишь?

– Вижу.

– Какую?

Я головой повертел, пощурился, но кроме девятки так ничего и не выплыло.

– Девять, – отвечаю сокрушённо.

А оказалось правильно. Странные задания.

И ещё удивительное дело – табличка с буквами у них каждый год одна и та же, кто угодно запомнить может. Я, к примеру, на всякий случай запомнил (в оптике рядом с домом такая висит), чтобы мама не расстроилась – она ж за моё зрение переживает.

Как полагается, один глаз прикрыл, бодро всё называю.

– Отлично, – говорит тётя, – теперь закрой правый.

А там ещё две строчки в самом низу.

– Почему? – возмущаюсь я. – Я и дальше знаю.

– Ну давай, – соглашается доктор.

Я там буквы не различаю, но куда палочка показывает, вижу и по памяти называю. Тётя удивилась и перешла к другой таблице, для маленьких. Там не буквы, а картинки. И я их не учил.

– Ну? – говорит доктор.

Молчу.

– Видишь?

– Самолётик.

– Нет.

Вернулись к буквам, опять всё назвал. К картинкам – молчу.

Тётя уже и лампочки проверила, и свои очки протёрла, но ничего не поймёт. Раз пять она туда-сюда моталась, ума-ялась. Села у своих табличек и куда-то в стену глядит. Мне её жаль, но признаться-то страшно.

– Ты что, – осенило тётю, – буквы выучил?

Я кивнул.

Тётя вздохнула с облегчением и пошла мне карточку заполнять.

Вот я бегу на всех скоростях от окулиста к дерматологу, где мне Никитка очередь держит, смотрю – небольшое столпотворение. Заглядываю – а у стены сидит на корточках и горько плачет Вергилия Спицына.

– Что случилось? – спрашиваю я у Маруси Скворцовой.

– Бойтся сдавать кровь из пальца.

– А-а. И как быть?

– Не знаем.

– Вергилия, – говорю, – я там уже был. Ничего страшного.

У них теперь новые пистолетики такие – чпок и всё.

Но от моих чпоков Вергилии стало ещё хуже.

– А хочешь, я вместо тебя сдам? – не растерялся я.

Вергилия подняла заплаканное лицо, и все обернулись на меня.

– Там же имя надо называть, а ты всё-таки мальчик, – верно подметила Маруся.

– Это поправимо, – ответил я.

И мы отправились всей толпой в туалет. Подоспел разгневанный моим опозданием Никита, я ему вкратце изложил план, и он согласился выступить посредником – помочь нам с Вергилией поменяться одеждой! Я надел голубую блузку и розовую в цветочек юбку, которая, к счастью, оказалась шортами. А туфли с бантиками мне оказались не малы, а велики. Маруся Скворцова сняла со своих косичек резинки и завязала мне два хвостика, какие обычно носят двухлетние девочки, у которых ещё волосики не отросли до настоящих хвостов. В таком невероятном виде я пошаркал сдавать кровь. А Вергилия осталась в туалете. Ведь Наталья Сергеевна тоже была в поликлинике и попасться ей на глаза не хотелось.

– Как тебя зовут? – спросила медсестра, смерив меня удивлённым взглядом.

– Вергилия Спицына, – постарался я сделать девчачий голос.

– А-а, – понимающе протянула она. – Ну, давай сюда ручку.

Я сначала дал уколотую, потом опомнился и поменял.

Медсестра сделала чпок, нацедила и перелила мою кровь в колбочку.

«Ну вот, пролил кровь за друга, то есть за подругу», – подумал я не без гордости.

Я уже было поднялся, раскланялся, но тут за дверью слышался встревоженный голос Натальи Сергеевны.

– Где Куликов и Спицына? Они последние остались к дерматологу, врач ждёт.

В ответ тишина.

– Они, наверное, в туалете, – ответил Никита.

– Оба?

– Да, они съели один бутерброд и жаловались на живот.

– Сбегай, проверь, пожалуйста.

И снова тишина.

– Позови, пожалуйста, следующего, – попросила меня медсестра.

– За мной никого, я последний, то есть последняя.

Медсестра посмотрела с подозрением.

– Скажите, – я снова сделал высокий голос, – а что показывает анализ крови?

– Много чего: наличие инфекционных или воспалительных процессов, вирусных заболеваний, проблем с органами...

– Так-так, – очень заинтересованно сказал я, но продолжения не последовало.

– Вергилия, позови следующего, – повторила просьбу

медсестра.

– Там никого нет.

– Да, они там, – услышал я за дверью сокрушённый голос Никиты.

– Что с ними?

– Уже всё в порядке, скоро придут.

Медсестра тем временем теряла терпение.

– Вергилия, ты ещё что-то хотела узнать?

Я уже приготовился спросить, показывает ли анализ крови пол человека, но тут...

– Да кто ж там так застрял? – воскликнула Наталья Сергеевна, и медсестра, кажется, тоже её услышала.

– До свидания, – взвизгнул я, сделал реверанс и пулей вылетел из кабинета.

– Это наша девочка? – донёсся мне вслед недоумённый вопрос Натальи Сергеевны.

Я почувствовал себя настоящей Золушкой, когда на повороте одна из туфельек соскочила. Я её подобрал и скрылся в туалете. «Готово», – объявил я несчастной Вергилии.

Когда Наталья Сергеевна пришла нас оттуда вызволять, мы уже успели переодеться. Единственное, я забыл про резиночки в волосах.

– Куликов! Что это значит?

– Расстройство желудка, – объяснил я.

– Что у тебя на голове, я спрашиваю?

– А-а, это? – И я сдёрнул свои резиночки. – Ничего осо-

бенного. Прикол такой.

– Нашёл место для приколов, Куликов! Ты бы ещё у психиатра резиночки нацепил. Вергилия, ты сдала кровь из пальца?

– Я? – задрожала Вергилия.

– Да-да, я сам видел, – вмешался я.

– Тогда марш оба к дерматологу.

И мы побежали.

– Благодарю, – сказала мне тихо Вергилия.

Дома, за ужином, я, как обычно, доложилась родителям обо всех приключениях. Папа посмеялся, а мама, вполне ожидаемо, подлог крови не одобрила.

– Папа, – вспомнил я, – а что значит «работа не волк – в лес не убежит»?

– То и значит, – пожал плечами папа и повторил с расстановкой: – Работа не волк, значит в лес не убежит.

– А чем отличаются лапы от ног?

– Ноги у человека, лапы у зверей, – ответил папа.

– А у слона? – прищурился я.

Папа задумался, и подключилась мама:

– Лапы мягкие, ноги жёсткие, – говорит.

– А у гуся разве жёсткие?

А сам уже за вилку схватился диагноз им где-нибудь нацарапать.

– А у гуся котлета стынет, – выкрутилась мама.

И была права. Я решил в следующем году спросить у дяди-психиатра, чем отличаются лапы от ног, но потом передумал.

Английский и шпоры

Как я рассказывал, в первом классе началась моя война с математикой, которая продолжается до сих пор с переменным успехом. Умолчал я о том, что со второго класса вынужден вести войну на два фронта. Неожиданно для всех к математике примкнул английский. И если в случае с математикой мамино негодование удачно переадресовывалось «несчастному гуманитария» в лице папы, то в трудностях с английским виновных найти не удавалось. Родители владеют двумя иностранными языками каждый. Собственно, мама у меня работает переводчиком. А папа долго объяснял мне, кем работает, но я не совсем понял. Но он тоже много общается с иностранцами, в том числе по телефону.

И даже бабаня то жаловалась на дриззлинг за окном, то просила выбросить что-нибудь в гарбидж.¹ Целуя меня перед сном, она говорила «Гуд найт» и «Си ю туморроу монинг».²

– Сито макароник, – отвечал я, уверенный в виртуозном владении иностранным языком.

И вот урок за уроком я осознавал всё яснее, что ничего не

¹ Drizzling – морозящий дождь (англ.), garbage – мусор. (англ.)

² Good night – доброй ночи, see you tomorrow morning – увидимся завтра утром. (англ.)

выходит: сначала я путал русские и английские буквы, потом совершенно не мог взять в толк, по каким правилам читать слова, наконец в битву вступили два ужасных артикля, и я капитулировал. Два раза в неделю я ходил в школу как на каторгу. Но самое обидное, что мы с Марусей попали в одну группу и она регулярно оказывалась свидетельницей моего позора.

И если Наталья Сергеевна занимала однозначно мою сторону, то англичанка, судя по всему, записалась во вражеские агенты. И позывной у неё был – Стрекоза. Стрекозой её называли ещё до нас за огромные переливчатые очки. Глаза за очками тоже были большущими. Она много улыбалась, но как-то предательски. И активно двигала челюстью, когда выговаривала английские слова.

Вот вам пример типичной английской экзекуции.

– What is your name?³ – спрашивает меня Стрекоза.

– Май нейм из Костя, – отвечаю я, чеканя слова. Изображать акцент я уже давно перестал, потому что каждое моё слово тогда сопровождалось дружным ха-ха.

– What is her name?⁴ – Стрекоза показывает на Марусю.

– Маруся, – отвечаю я, счастливый от того, что понял смысл вопроса.

– Right.⁵ Но давайте ответим полностью.

³ Как вас зовут? (англ.)

⁴ Как её зовут? (англ.)

⁵ Правильно (англ.)

– Май нейм из Маруся, – бодро отвечаю я.

И все смеются. А когда успокаиваются, Стрекоза продолжает:

– How old are you?⁶

– Ай эм эйт, – отвечаю я уже менее уверенно.

– How old is she?⁷ – И она снова указывает на Марусю.

Я больше не хочу быть посмешищем и молчу.

– Is she eight years old as well?⁸ – медленно говорит училка
и таким тоном, как будто подсказывает мне ответ.

– Эйт, эйт, олд⁹, – бурчу я.

Два главных знатока английского прыскают от смеха, остальные подхватывают. Маруся сочувственно качает головой.

Однажды Маруся догнала меня в коридоре после уроков.

– Куликов, хочешь позанимаюсь с тобой английским? – спросила она.

Я замотал головой. С одной стороны, я готов был заниматься с Марусей хоть китайским, а с другой – если бы мама занималась с папой математикой, они бы точно никогда не поженились.

– Я сам! – поспешил я.

⁶ Сколько вам лет? (англ.)

⁷ Сколько ей лет? (англ.)

⁸ Ей тоже восемь лет? (англ.)

⁹ Old отдельно переводится как «старый».

– Как хочешь, – пожала плечами Маруся. – На следующем уроке диктант.

– Я справлюсь, вот увидишь, – пообещал я и прикусил язык.

Каким образом справляться, я, конечно, не представлял. Я до сих пор все буквы не запомнил, куда уж мне запомнить слова!

– Никитос, – сказал я другу, – я в среду не приду. Скажу маме, что плохо себя чувствую.

– Почему?

– Из-за диктанта.

– Да брось. У меня есть идея получше. – И он, наклонившись к моему уху, прошептал: – Шпора.

– Какая шпора?

– Обыкновенная.

Не успел я представить, каким образом Никитка собрался пришпоривать Стрекозу, как он пояснил:

– Сделаем шпаргалку.

– Это для списывания? – догадался наконец я. – Не, я пас.

– Почему?

– Мама говорила, что списывание – это как воровство.

– Чего-о?

Я пожал плечами.

– А-а, – протянул Никита, – это, наверное, про списывание у других, а мы-то не у других, мы у самих себя.

Хотя я не был уверен, что мама имела в виду только такое списывание, звучало вполне логично. Но...

– Да нет, у Стрекозы такие глазищи, – напомнил я, – она точно заметит, и получится тако-ой позор...

«И Маруся будет меня презирать», – добавил я про себя.

– Не заметит она ничего. Коля у неё уже сколько лет списывает. А тут всего-то десять слов. Надо просто потренироваться.

И после уроков мы отправились к Никите на тренировку.

Коля отложил компьютерную игру и принялся нас учить. Мы легко усвоили, что шпору замечают тогда, когда ты переводишь на неё взгляд, поэтому прятать нужно в руке, которая лежит прямо на столе. Но на руке писать не стоит, так как ладошка быстро потеет и ничего не разобрать. Писать нужно на бумажке, а бумажку заклеить прозрачным скотчем. Часа два мы резали бумажки, подбирали размер шрифта, складывали, заклеивали, примеряли на ладошки, проверяли вид со стороны.

– Ну как, чем занимались? – спросила мама, когда я вернулся домой.

– Готовились к английскому, – не моргнув глазом, ответил я. – У нас завтра диктант.

– Волнуешься?

– Совсем немного, – заверил я.

– Правильно, – похвалила мама. – Диктант – ерунда, ни-

чего страшного.

«Ничего страшного», – повторил я про себя.

А ночью увидел кошмар: я списываю со шпоры слово за словом и вот звучит последнее – «друг», я смотрю на Стрекозу и понимаю, что она приближается. Хочу спрятать руку и не могу – онемела. Стрекоза поворачивает её ладошкой вверх, и все видят шпору. Она тянет меня из-за парты, ведёт к доске и, до боли сжимая мою руку, выкрикивает:

– Вор! Ни стыда ни совести! Мама – круглая отличница, а сын – вор-двоечник!

Маруся отворачивается, как от какого-то противного зрелища.

Я проснулся в холодном поту и понял, что отлежал руку.

– Пап, а ты когда-нибудь списывал? – поинтересовался я утром по дороге в школу.

– Конечно, – ответил папа.

– А мама об этом знала?

– Нет, – рассмеялся папа. – Мы, к счастью, учились на разных курсах.

– А если б она узнала, вы бы не поженились? – не унимался я.

– Хороший вопрос, – папа задумался. – Но лучше задать его маме.

Я хмыкнул.

– У меня плохое предчувствие, – сказал я Никитке перед математикой. – Не буду списывать.

– Я тебя уговаривать не собираюсь. Трус, – обозвался Никита.

Думаю, ему тоже было страшновато. А тут Маруся, как на беду:

– Ну что, Куликов, подготовился?

– Ещё как! – ответил я, а Никитка усмехнулся.

– Шпору-то хоть взял? – зачем-то поинтересовался Никита.

И я сам не заметил, как она оказалась в моей потной ладошке.

А дальше всё как в тумане.

Вот ноги несут меня на четвёртый этаж. За учительским столом Стрекоза – не заболела.

– Ребята, класс большой, – говорит она радостно. – Садитесь каждый за отдельную парту.

Значит, диктант не отменяется.

Звенит звонок, она раздаёт чистые листочки.

– Сейчас быстро напишем диктант и перейдём к новой теме. Are you ready?¹⁰

Все кивают. И я за компанию.

От левого кулака на парте остаются влажные следы, я протираю их локтем.

– Школа, – диктует Стрекоза.

¹⁰ Вы готовы? (англ.)

Голова не соображает, кулак не разжимается, и я записываю слова по-русски.

– Синий... мальчик...

Мальчика вспомнил, вывел «boy» – сам глазам не верю.

– Слон...

Слон длинный, зачем нам слон, не понимаю...

Карандаш – помню... кровать – помню... книга – помню... друг – опять не помню, что ж я его не посмотрел!

– Проверяйте, – говорит Стрекоза.

В принципе, я уже написал на тройку, а то и на четвёрку с минусом. Но остальные слова так близко, так притягательно близко...

Я слегка разжимаю кулак, и там сверху выглядывает «school – школа», переписываю. Ещё чуток, и показывается «blue – синий», да я же знал! Слон в самом низу, как бы добраться. Я двигаю листочек, пытаюсь поудобней приладить кулак.

– Куликов! – слышу окрик Стрекозы, и сердце уходит в пятки. – Что там у тебя?

Чувствую жар в области шеи и затылка.

«Как глупо! Какой глупый конец! Ох уж этот слон, будь он неладен!»

Стрекоза приближается, её рука уже рядом с моей окаменевшей рукой, она поднимает листок, а под ним голая парта.

– Извини, Куликов, показалось. Вспоминай дальше, даю ещё минуту.

Мне становится стыдно: она даже извинилась!

Elephant – вспоминаю я, но не пишу.

Если вспомнить «друг» и не написать, то будет честно. Friend, точно! Как всё-таки полезно писать шпоры!

– Передаём листочки, – командует Стрекоза. – Хотя не надо. Костя, come here¹¹. Давайте теперь Костя напишет на доске, и мы сами себя проверим.

Поднимаюсь, иду к доске, поворачиваюсь к классу. Смотрю – Никитка за меня переживает.

– Так нечестно, – говорит он громко. – Зачем ему два раза писать диктант?

– А что вы так волнуетесь? – удивляется Стрекоза. – Костя очень неплохо его написал. Думаю, ему не составит труда проявить себя ещё раз. Но раз уж вы за честность, то будьте добры составить ему компанию.

Никита отчаянно мотает головой.

– Давайте, давайте.

Никита плетётся к доске со сжатым кулаком.

– Школа, – диктует снова Стрекоза.

Я пишу, а гляжу на Никиту – он чешет кулаком затылок. Хоть и с ошибкой, но написал, молодец.

– Синий...

Я пишу покрупнее, а Никитка не может вспомнить, косит на мою половину.

– Жариков, не надо подглядывать, вы же сами всё знаете.

¹¹ Иди сюда (англ.)

Тут я вижу, как Никита изображает зевоту, подносит к лицу полураскрытый кулак и, скосив глаза в кучку, пытается рассмотреть нужное слово.

Глядя на него, я тоже начинаю зевать.

– Не выспались сегодня? – интересуется Стрекоза.

Никита кивает:

– Да, полночи готовились.

И выводит «blue».

– Слон...

Я-то слона уже вовек не забуду, а Никитка снова зевает. Но слон, по-видимому, где-то схоронился. Никитка пытается покрутить шпиргалку, и она пикирует на пол.

Мы с ужасом оборачиваемся на Стрекозу, которая смотрит в один из наших листочков. Никитка успевает наступить на шпору до того, как она поднимает глаза.

– Так что, Жариков?

– Не помню. Я пропускаю слона, давайте следующее.

– Друг. Это слово вы должны знать.

– Почему это – должен? Ничего я не должен, – бурчит Никитка.

– Вот же ваш листочек, все слова на месте, смотрите, – вздыхает Стрекоза.

Никитка протягивает руку, но не двигается с места.

– Берите-берите.

– Не могу – ногу свело.

И он начинает хлопать руками по голени.

– Тогда садитесь, – несколько испуганно предлагает учительница.

– Не могу, – обречённо говорит Никита.

– Вызвать врача?

– Нет-нет, сейчас всё пройдёт, так бывает.

– Да-да, – подтверждаю я со знанием дела. – У моей прабабушки то же самое. Это сосуды. У тебя не было переохлаждения?

– Нет, – отвечает Никита. – Это нервное.

Кто-то не выдерживает и начинает хихикать.

– Маруся, уступи Никите место, – просит Стрекоза. – Костя, помогите ему добраться.

Маруся, растерявшись лишь на мгновение, притаскивает стул прямо к Никите, и он плюхается в него с натуральным облегчением.

А потом я дописывал диктант, а потом мы проверяли, а Никитка смотрел на часы и время от времени похлопывал ногу, как будто это не нога, а засидевшийся пёс. Несколько раз он пытался изъять шпиргалку из-под ботинка, но каждый раз макушкой чувствовал пристальный взгляд большущих глаз.

Но вообще мы уже успели расслабиться, когда раздался стук в дверь и показалась голова директора.

– Миссис Козина, зайдите ко мне после урока. Плиз.

И тут он заметил нас с Никитой.

– Привет, поэт! – сказал он мне. – А что это с Жариковым?

Мы с Никитой переглянулись.

– Говорит, ногу свело, – ответила Стрекоза.

Директор подошёл к Никите и пощупал обе икры.

– Мягонькие, – заключил он. – У вас контрольная, что ли?

– Диктант, – подтвердила Стрекоза.

Директор рассмеялся.

– Симулянт Жариков, ступайте-ка на своё место и учите английский. Уж поверьте мне, без английского тяжело будет.

Никита поднялся и в полной тишине, не отрывая от пола левую ногу, пошаркал за свою парту.

– Артист! – восхитился директор. – Нам срочно нужна театральная студия.

И он ушёл.

– Почему же вы не написали эти слова во время диктанта? – обратилась ко мне Стрекоза, глядя на доску.

Я пожал плечами.

– Чудеса, да и только, – она покачала головой.

Звонок прозвенел, все разошлись, Маруся не забыла меня похвалить, а мы с Никиткой ещё долго сидели в полной тишине, не имея сил подняться.

– Могло быть и похуже, – вдруг произнёс Никита.

– О ёес, – согласился я.

Музейный день

Мы с Никиткой не любители музеев. Никитке повезло, что его папу в детстве замучили музеями и он специально

приходил в школу, чтобы добиться освобождения сына от этих походов. А мне, наоборот, не повезло: мама очень хочет просвещаться, но не успевает и ей становится легче оттого, что хоть я хожу. Но ходить по музеям без Никиты – страшная скука. Лишь однажды получилось весело.

День тот, правда, начался ужасно. Первый урок нам оставили, и это была математика. Я подготовился на отлично, домашнее задание сделал сам и на радостях даже попытался раскусить задачку со звёздочкой. Хотя раньше я в них принципиально не заглядывал – раздражают эти задания для самых умных. А тут я не только попытался, а почти решил! Но какая-то закавыка мне помешала. И вот я спрашиваю у Никитки: «Ты со звёздочкой решил?» Я не собирался списывать. Мне просто любопытно было, чего я там не учёл. Машины наставления о том, что списывание сродни воровству, к сожалению, глубоко засели. Но с Никиткой точно не воровство, а военный союз. Я ему помогаю с русским, он мне – с математикой.

Никитка хлопнул себя по лбу:

– Совсем забыл. Что-то там не сошлось. Пойду у Скворцовой спрошу.

И напрямиком к Марусе, по-свойски, как математик к математике. Возвращается озарённый.

– Ну конечно! Как же я забыл про эти два лишних килограмма! Смотри.

И быстро изложил решение. Я был так счастлив, что в кои-

то веки понял, как решается задача со звёздочкой, что тоже записал. А Маруся видела, что я у Никитки что-то переписывал.

Прозвенел звонок, и Наталья Сергеевна начала урок именно с этого задания, будь оно неладно.

– Кто решил задачку со звёздочкой?

Никитка тянет руку выше всех. А другой рукой меня под локоть пихает. Я и поднял, очень скромно, еле заметно. Но разве ж такое событие могло укрыться от Натальи Сергеевны!

– Куликов, ты решил? – она прям глазам не верила. – Выйди, пожалуйста, покажи.

И я показал, куда деваться-то. Наталья Сергеевна чуть не прослезилась от радости и как примется меня нахваливать: «Вот вам, ребята, пример упорства в достижении поставленных целей, умница Куликов!» Я чуть со стыда не умер. Но отступать было поздно – очень уж не хотелось её разочаровывать.

Маруся проводила меня взглядом, полным презрения. Будто червяк мимо прополз. Тоже мне! Всё равно бы Наталья Сергеевна её так не хвалила!

После математики стали собираться на экскурсию. Перекусили, оделись, выстроились во дворе. Счастливый Никитка помахал мне рукой, и остался я один-одинёшенек. Наталья Сергеевна с двумя родительницами, одна из которых и затеяла это мероприятие, начали выстраивать нас парами.

Смотрю – Маруся к Вергилии подошла, руку протягивает.

– Вергилия, – позвала Наталья Сергеевна, – ты со мной. А ты, Маруся, с Костей давай, замыкайте.

– Я не хочу с Куликовым, – ответила Маруся.

Наталье Сергеевне, наверное, показалось, что она ослышалась: не было такого случая, чтобы Маруся не послушалась учителя. И она даже не стала повторять.

И Маруся поплелась в конец строя, где я поджидал её с не менее недовольной миной.

Так мы прошествовали до метро – рядом, в тягостном молчании, спрятав руки в карманы и развернувшись в противоположные стороны. Правда, периодически нечаянно сталкивались плечами.

Подошли к метро, продрались через двери с жутким сквозняком, потолпились у турникетов и наконец вскочили на эскалатор.

В метро до этого я был считанное количество раз, и не сказать, что мне тут нравилось. Помню, как с высоты длиннющего эскалатора наблюдал за гигантскими людскими волнами, которые выплёскивались с обеих сторон платформы, пересекались, напирали друг на друга и устремлялись куда-то. Жутковатое зрелище. Я тогда изо всех сил ухватился за маму: сердце замирало при одной мысли о том, что можно оказаться посреди этих волн одному. Совершенно очевидно, что выбраться оттуда невозможно – захлестнут, утопят и пикнуть не успеешь.

Я мельком взглянул на Марусю и понял, что она разделяет мои ощущения. Она сама не заметила, как взяла меня за руку. Рука её была холодная и влажная, но я крепко и ободряюще её сжал.

За нами стояла та самая родительница и каждую секунду доставала телефон посмотреть на часы.

Спустились, пришли на платформу, разделились на три кусочка примерно по три пары. Поезд не едет и не едет, народ прибывает. Наталья Сергеевна взволнованно заглядывает в тёмный тоннель. Маруся держит мою руку мёртвой хваткой.

– Может, на следующем? – предлагает Наталья Сергеевна.

– Лучше не опаздывать, – отвечает родительница, – влезем.

И вот показывается поезд. Душераздирающий визг тормозов, двери открываются, оттуда вываливается поток людей и разлучает нас с замыкающей родительницей. Перед нами вежливый мужчина пропускает других детей, родительницу, какую-то бабулю, сам заскакивает в вагон, придержав двери, и они хищно захлопываются у нас перед самым носом.

Я чувствую, что Марусина рука увлажнилась настолько, что хоть отжимай. Поворачиваюсь – она немигающим взглядом, полным ужаса, смотрит перед собой. Понимаю, что рассчитывать придётся только на себя.

– Ничего страшного, – говорю. – Сейчас за нами приедут.

Я помню наставление папы, когда мы ходили с ним по гри-

бы: «если потерялся, стой где стоишь». И мы не двигаемся с места.

– Я позвоню Наталье Сергеевне, – вдруг решает Маруся. Она принимается доставать телефон, рюкзак открывается шире, чем нужно, и розовые тетрадки висят над пропастью – я чудом ловлю их, а потом отвожу Марусю подальше от края платформы.

Она долго не могла откопать телефон и чуть не расплакалась. А когда нашла, не могла набрать номер, потому что на экране оставались влажные следы и телефон плохо слушался. Наконец я ткнул в нужную строчку, и мы замерли. Но с каждым гудком надежда угасала.

– Не отвечает. – И Маруся обречённо положила телефон обратно.

– Не слышит, – уточнил я. – Она же в поезде. Не волнуйся, они уже едут за нами.

Не знаю уж, с какой стати я решил, что Наталья Сергеевна приедет со следующим поездом. И сильно удивился, когда поезд затормозил, двери открылись, а вместо Натальи Сергеевны на нас двинулась большая тётя с сумкой на колёсиках. Мы отпрянули, но другая волна буквально занесла нас в вагон.

Что ж, план А не сработал, план Б не известен.

Я посмотрел на Марусю – она еле заметно шевелила губами.

– Что ты говоришь? – громко переспросил я, пытаюсь пе-

рекричать шум и подставляя ей ухо.

– Куда мы едем? – услышал я.

– В Третьяковскую галерею.

Она кивнула.

Но так как мои иллюзии о волшебстве метро уже частично развеялись, то я понимал, что поезд вряд ли привезёт нас напрямиком в музей.

Логично было спросить кого-то из взрослых. Но не хотелось. Мне казалось, будет унизительно, если люди поймут, что мы потерялись. Я помнил, как в парке Горького однажды объявляли: «Родители такого-то, ваш сын ожидает вас там-то». И вот на всё метро, во всех вагонах зазвучит: «Наталья Сергеевна, Костя с Марусей ожидают вас на станции такой-то». Нет, этого допустить нельзя.

На следующей остановке толпа схлынула, и тут я заметил парня лет пятнадцати, в больших наушниках. Вот он-то нас ни в чём не заподозрит.

– Извини, – подёргал я его за рукав, – Третьяковская галерея на какой станции?

Парень снял наушники.

– Прошу прощения, – повторил я. – Третьяковская галерея на какой станции?

– Вы что, потерялись что ли? – прищурился он.

– Нет, – уверенно ответил я. – Вон наша мама.

И показал на огромную спящую женщину. Под подбородком у неё было так мощно, что голова держалась прямо, ни-

куда не падая.

– Она очень устала, но нам надо вовремя её разбудить, – добавил я.

– А-а, – уже с сочувствием протянул парень. – Я не знаю, где Третьяковская галерея.

Двери в очередной раз открылись, и он вышел.

«Осторожно, двери закрываются, следующая станция – “Третьяковская”».

Во чудеса!

– Маруся, нам на следующей, – сообщил я так спокойно, что сам удивился.

И повёл её к дверям.

Снова визг тормозов, звук открывающихся дверей, а впереди стена и надпись «Третьяковская». Оборачиваюсь – а с противоположной стороны уже входят пассажиры.

– Стойте, – кричу я. – Нам надо выйти.

К счастью, пассажиры оказались вежливые – пропустили и даже закрывающиеся двери придержали. Но оттого, что нас чуть не прищемило, Маруся оказалась на грани обморока. Я посадил её на скамейку и дал свою бутылку с водой. Она не хотела пить, но я настоял.

– Не волнуйся, мы уже совсем близко.

Вообще, утешать её было одно удовольствие – когда б ещё представилась такая возможность!

– Костя, – подняла она уставший взгляд, – спасибо тебе большое! Если б не ты, я бы пропала, ни за что бы не выбра-

лась.

– Да брось! – отмахнулся я. – Я сейчас.

– Не уходи! – испугалась Маруся.

Но я успел разглядеть под потолком табличку с указанием, в какую сторону галерея.

– Пойдём, – сказал я. – Пора.

Я подал руку, и мы двинулись. Причём так решительно, что чуть не проскочили наш строй, который расположился в центре зала.

– Вергилия двадцать, Танюша двадцать один, кого же не хватает? – это Наталья Сергеевна пересчитывала детей.

«Ничего себе! – думаю я. – Как мы удачно пересеклись!»

Пристроились – Маруся чуть не плачет от счастья.

– Ну и как экскурсия? – спрашиваю я у родительницы, которая нас потеряла и даже не заметила.

– Экскурсия чудесная, экскурсовод шикарный, – рассеянно ответила она.

Я даже немного расстроился, что мы всё это пропустили. Но только немного, потому что от Марусиной похвалы всё внутри меня ликovalo.

Наталья Сергеевна ещё раз пересчитала, обрадовалась, что всё сошлось, и мы потопали.

– Зачем мы выходим на «Третьяковской»? – спросил я Марусю.

Она пожала плечами. Её это явно не волновало.

И тут только до меня дошло, что никакой экскурсии ещё

не было, мы просто догнали наших. А казалось, что мы целую вечность плутали в метро.

Пришли, сдали одежду, взяли схему галереи, встретили шикарную экскурсоводшу. Что в ней шикарного, я так и не понял, потому что все музейные экскурсоводши именно такие – худые, прямые, с чётким голосом.

К сожалению, из-за пережитого потрясения я не запомнил ни слова из её рассказа. Как замороженный наблюдал за родительницей, которая слушала экскурсовода с невероятным умилением, часто кивала и местами чуть не плакала. Маруся не отходила от меня ни на шаг. Из задумчивости меня вывела тётенька, сидевшая на стульчике у выхода из зала.

– Мишку-то видели? – спросила она.

– На дереве?

– Да нет, у ног преподобного Сергия.

Мы с Марусей переглянулись и пожали плечами.

– Ну как же! Посмотрите обязательно. Сначала с одной стороны, потом с другой. Он волшебный. Вон там. Я вас провожу.

– У нас экскурсия, – попробовала возразить Маруся.

Наша группа тем временем остановилась в следующем зале перед огромной картиной.

Но тётенька явно засиделась.

– Они там надолго, – махнула она рукой. – Сбегайте пока посмотрите.

Понеслись мы к медведю, тётяшка показала нам, откуда его созерцать, и отправилась обратно.

Чтоб сэкономить время, Маруся смотрела на него с одной стороны, я – с другой. В какой-то момент мне показалось, что он носом водит, но я почему-то даже не удивился. И знаком позвал Марусю на выход. Потом уж я узнал, что у него вездесущий взгляд, как у Моны Лизы.

Возвращаемся – ни тётяшки, ни даже стульчика, а про группу и говорить нечего.

И тут Маруся как зальётся смехом – все близстоящие посетители обернулись. А я испугался – хорошо бы всё-таки ей остаться такой же умной и разумной, как раньше.

– Ты не бойся, – говорю, – сейчас найдём их. Галерея не метро.

И деловито разворачиваю схему.

– А я не боюсь, – отвечает Маруся. – Мне с тобой теперь нигде не страшно.

И покраснела. Я, кажется, тоже порозовел.

Нашли их, конечно, быстро, ещё и тётяшку встретили. Обеспокоенную.

– Вы мой стульчик не видели?

Тут мы уже хором рассмеялись. Есть у нас в классе любители пошалить, когда-нибудь и о них расскажу.

– Ну как экскурсия? – спросила мама, встретив меня на выходе из музея.

– Шикарно, – ответил я.

– Правда? – обрадовалась мама. – Ну вот видишь, а ты не хотел идти!

– Пап, – спросил я вечером, когда мы остались наедине. – А у тебя бывало такое, что начало вроде хорошее, а потом ни с того ни с сего ерунда получается? Или наоборот: кошмар выливается во что-то такое, о чём и не мечтал.

Кажется, я плохо сформулировал, но папа всё равно понял.

– А как же, – ответил он, – бывало. Никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь.

– Но я не пойму, это хорошо или плохо?

Папа задумался.

– Кому как, наверное, – предположил он. – Мне, например, хорошо.

– И мне, – улыбнулся я.

Первый прогул

Первый и, возможно, последний раз в жизни я прогулял школу во втором классе. А именно – урок ИЗО. Зачем – до сих пор не понял. А случилось так.

Мы с Никиткой, выходя из буфета, столкнулись с его старшим братом Колей, который учился тогда в шестом классе. Он носит длинную чёлку, и у него очень крутая походка – одновременно пружинистая и вразвалочку. Я даже пытался

её скопировать, но после того, как несколько человек справились, не заболел ли я, бросил эту затею.

– О, – чему-то обрадовался Коля (обычно он делает вид, что не замечает нас), – вы-то мне и нужны.

И, отведя в сторону, спросил:

– Хотите прогулять урок?

Таким тоном, как будто зовёт нас в космическое путешествие. Мы с Никитой переглянулись и пожали плечами.

– Идём в «Макдональдс», я угощаю, – продолжил Коля.

Но мы и тут не захлопали в ладоши.

– Ты чего, с ума сошёл? – спросил Никита брата.

– Не пойдёшь – к компьютеру неделю не подпущу, – второпях пригрозил тот.

Никита даже рот раскрыл от удивленья. И тут рядом с Колей появилась худенькая девочка с большими голубыми глазами, примерно его возраста.

– Знакомьтесь, это Настя, – сказал Коля, – а это мой брат Никита и его друг Костя. Они идут с нами.

Я старался понять по лицу Насти, рада она этой новости или не очень. Но она и сама, похоже, не знала. И молча улыбнулась. Тут я вспомнил, как Никитка смеялся, что его брат, отпетый двоечник, влюбился в новенькую – круглую отличницу. На его успеваемости это не сказалось, а вот её, судя по всему, могла пострадать.

Прозвенел звонок, отступать было некуда.

– Алеа якта эст, – сказал Коля.

Я подумал, что Коля и правда сошёл с ума, но Никита перевёл:

– Жребий брошен.

И мы побежали к выходу. В вестибюле встретили Марусю Скворцову.

– Маруся, мы прогуливать, прикрой нас, пожалуйста, – попросил я.

И она проводила нас недоумённым взглядом.

Погода в тот апрельский день вполне оправдывала наш побег: небо голубое, солнце тёплое, ручьи бегут, воробьи галдят. Листочки ещё не распустились, но первая зелёность уже просвечивает.

Мы с Никиткой, вдохнув свежего воздуха, прибодрились и даже воодушевились. Чего уж там, через минуту нас уже просто распирало от чувства свободы и самостоятельности. Наши там сидят натюрморты пишут, а мы идём со старшеклассниками в «Макдональдс»! Вот это поворот!

Коля с Настей шли впереди. Коля пересказывал фильм про супергероев, а Настя молча слушала и всё время поглядывала на часы – то ли боялась опоздать на следующий урок, то ли просто перенервничала.

– А что, если нас хватятся? – прошептал мне Никита.

– С чего вдруг?

– С чего, с чего! Тюбик спросит: где Куликов с Жариковым? Все скажут: не знаем, на математике были.

– Маруся что-нибудь придумает.

– Она врать не станет.

Это была правда, и моё свободолюбивое настроение как ветром сдуло, а на его место водрузился страх.

– Зачем мы с ними пошли? – спросил Никита как-то обвинительно.

– Это твой брат нас заставил, – напомнил я. – А если училку какую-нибудь встретим?

– Все в школе.

– А вдруг не все?

И мы огляделись вокруг. Я заметил вдалеке тётю с высоким пучком, как у завуча, схватил Никитку за локоть и потянул в сторону.

– Кто там? – перепугался он.

Но тётя уже скрылась за поворотом.

– Не знаю.

Тем временем Коля окончил пересказ и вспомнил про нас.

– Ну что, ребзя, проголодались?

А вот и «Макдональдс». Я ходил туда однажды с папой. Мама считает, что тамошняя еда вредная, а папа сказал, что в детстве ел там часто и помногу и до сих пор жив. В меня, правда, много не влезло. А то, что влезло, ещё долго в животе ворочалось.

Войдя, мы внимательно оглядели посетителей – знакомых

лиц нет. Но все укромные места заняты, нам пришлось сесть за столик в центре, на самом виду.

– Так, – сказал мне Никита, – я контролирую вход, а ты улицу.

– Сдрейфили, да? – усмехнулся Коля, а сам уставился в окно. – О, директор идёт...

Настя зажала рот рукой, а мы с Никиткой сползли под стол.

– Шутка, – сказал Коля. – Готов принять заказы.

– Я ничего не хочу, – сказала Настя слабым голосом.

– Нет, так дело не пойдёт, – покачал головой Коля.

– Можно чай?

– Точно? – строго переспросил Коля, а Настя кивнула. –

Ну, я тоже не голоден, – согласился он.

– А мне бигмак, чизбургер, большую картошку и кока-колу, – попросил Никита.

Коля сощурился не по-доброму, но промолчал.

А мне ни с того ни с сего стало совестно есть вредную еду без маминого разрешения, и я заказал карамельное мороженое.

Коля встал в очередь, и без него стало совсем страшно. Никита, как и договорились, неморгающим взглядом контролировал вход, а я улицу – по ней двигался поток людей, и глаза у меня заслезились. Настя смотрела то на вход, то в окно, то на часы.

Наконец подоспел Коля с подносом.

– Всем приятного аппетита!

– А где мой чизбургер? – возмутился Никитка.

– Закончились, – сухо ответил Коля.

Я взялся за мороженое, Никитка впился в огромный бигмак, Коля высыпал в чай весь сахар. И лишь одна Настя продолжала дозор.

– Какие у вас сегодня были уроки? – поинтересовался Коля.

– Русский, окружайка, математика, – поднапрягшись, ответил я.

– А какой у тебя любимый?

– У меня... – задумался я. – Физкультура. Только если первым уроком.

– Насть, а у тебя? – продолжил непринуждённую беседу Коля.

– Бочка, – тихо сказала Настя.

Она была очень бледной и смотрела на двери, через которые спешно входил высокий, широкий и лысый учитель физкультуры. Имени его никто не помнит, а фамилия у него Бочкарёв, и, естественно, все зовут его Бочкой. У него есть интересная особенность: на первом уроке он отличается благодушием, на втором – часто подтрунивает над учениками, причём не всегда смешно, на третьем – обзывает всех дохлячками и доходяжками, ну а если физра попадает на четвёртый урок, то лучше брать справку на всю четверть. У невролога. На четвёртом он просто свиреп – не ругается, не кричит, но

от одного его взгляда самые дохлые доходяжки взбираются по канату не хуже любого Маугли.

Вот сейчас у него был именно такой взгляд. Хорошо, что он устремил его в противоположную от нас сторону. Услышав призыв «свободная касса», Бочка буквально телепортировался к этой самой кассе и оказался к нам вполоборота. Мы съёжились и замерли. Один лишь Коля сохранил самообладание.

– Туалет, – прошептал он.

Бочка в это время то ли делал заказ, то ли зачитывал меню вслух – всё подряд.

Никита быстро сгрёб картошку в рюкзак. Мы молча встали и тихим гуськом отправились в туалет. Я замыкал шествие, и ощущение было такое, что мне в спину смотрит дуло автомата, который может выстрелить в любой момент. Но вот за мной закрылась дверь, и я перевёл дух. «Значит, ещё не конец».

– А вдруг он придёт руки помыть? – предположил Никита.

Настя стала ещё бледнее, Коля проследовал в следующий отсек, а мы за ним.

– Лишние ноги будут видны, – заметил я, когда мы упаковались в одну из двух кабинок.

– Костя, ты навверх, – скомандовал Коля таким голосом, каким наверняка командуют при выполнении секретных операций. И Коля посадил меня на бачок. Сам он уселся по-турецки на закрытый унитаз и взял на руки брата. Да-

ма осталась стоять, к нам спиной. Так я узнал, что значит попасть в неудобное положение.

Кто-то вошёл, включил воду, выключил, и снова тишина. Даже не ясно – вышел или в зеркало смотрится. А мы практически не дышим.

Становилось душно.

– Кто-нибудь хочет мороженое? – спросил я шёпотом.

Но никто не ответил.

– Я пойду на разведку, – предложил я, покончив с десертом. Бояться сил уже не было.

– Потерпи, – сказал Коля.

– Я хочу в туалет, – неожиданно заявил Никита.

– И ты потерпи, – ответил Коля.

– Мне нехорошо, – добавила Настя, не оборачиваясь, и Коля тяжело вздохнул.

Я соскочил с бачка, тихонько приоткрыл дверь, прокрался к выходу, выглянул в щёлочку, и тут кто-то резко потянул дверь на себя, и передо мной возник ещё более округлившийся живот Бочки. Я втянул голову в плечи и приготовился к худшему, хоть и не представлял себе, в чём это худшее может состоять.

– Куликов, ты, что ли? – кажется, он был ужасно рад меня видеть.

– Нет, – сказал я.

– С кем ты тут – с Жариковым, небось?

– Нет.

– А с кем?

– Один, – поспешно ответил я.

– Что-то ты, шишок, заврался.

Бочка явно не хотел расставаться со своим благодушием.

– Так, сейчас же говори или прямой наводкой к завучу.

– Я с ним, – раздался за спиной дрожащий голос Никитки.

– Ну, я прям бабка-отгадка, – захохотал Бочка. – Вдвоём?

Без старших?

– Я старший, – объявился третий герой.

– Ага, значит, сам никчемушник, да ещё мелюзгу подби-
ваешь. Ну-ка марш все в школу.

И мы покинули своё убежище. А через мгновение из глу-
бины его хором донеслись два вопля – Настин, высокий, ле-
деныющий душу, и Бочкин – низкий, сдавленный ужасом или
чизбургерами.

Посетители, сидевшие неподалёку, обернулись, а Коля
сделал им знак «спокойно, всё под контролем».

Из туалета, еле держась на ногах, вышла Настя. Коля под-
хватил её под руку, и мы важно покинули ресторан «Макдо-
нальдс».

Никогда мы не бежали в школу с такой охотой. Самое
страшное позади. Даже если б у входа нас встретили завуч с
директором, мы бы не дрогнули. А уж когда вместо завуча
нас приветствовала Маруся Скворцова, то я чуть не заклю-
чил её в объятия. Только строгий взгляд остановил меня.

– Нагулялись? – спросила она.

– Да! – сказал я с чувством. – Тюбик про нас спрашивала?

– Нужны вы Тюбику, – пожалала плечами Маруся.

– Картошка совсем остынет, бежим! – поторопил Никита.

А Коля с Настей спешили на урок. Настя, заливаясь смехом, рассказывала, какое лицо было у Бочки, когда он открыл дверцу кабины и увидел её, сидящую по-турецки на унитазе, бледную, как смерть.

Кстати, мы потом всех научили, что если Бочку перед четвёртым уроком угостить сытным бутербродом, то жизнь станет гораздо легче.

Потеря

Если в первом классе смартфоны имелись у трети класса, во втором – у половины, то в третьем – у всех, кроме нас с Никитой. Мы пользовались кнопочными телефонами и очень старались гордиться своей оригинальностью. Но я знал, что Никитка выпрашивает у родителей смартфон, и на случай положительного решения тоже закидывал удочку.

– Мам, у всех уже в классе смартфоны, один я с прабабушкиным телефоном, – делал я печальное лицо.

– Так это же замечательно! – воодушевлялась мама. – Такого телефона ни у кого нет! Эксклюзив! Ты знаешь, какие деньги люди платят за то, чтобы заполучить то, чего ни у кого нет?

– Так давай продадим наш эксклюзив – станем богаты-

ми, – проявил я редкую находчивость, и мамино воодушевление подугасло.

– Костюш, ты уже достаточно большой, чтоб понимать, что «у всех» – это не аргумент.

– Не понимаю, – притворился я.

– Ну хорошо. Представь, что у Маруси Скворцовой прадедушкин телефон – она бы тебе из-за этого меньше нравилась?

Эх, ведь знаю, что с мамой бесполезно спорить, но каждый раз на что-то надеюсь. Я понял, к чему она клонит, и не стал отвечать.

– А что, у Никиты уже есть смартфон? – решила добить мама.

– Нет, но скоро будет.

– Так что ты мне голову морочишь? – И она снисходительно улыбнулась.

Но я-то знал, что недолго ей торжествовать. День рождения Никиты был уже через месяц, второго декабря.

В том году мы с Никиткой на всех переменах бегали в спортзал и гоняли мяч до самого звонка. Туда же приходили ребята из разных классов, с некоторыми старшеклассниками мы даже здоровались за руку. Как же я мечтал достать при них смартфон!

И вот однажды Никита пришёл в школу взбудораженный.

– Мне подарят смартфон на день рождения, – поведал он

с горящими глазами, – если я закончу триместр на четвёрки. Представляешь? А у меня по всем, кроме русского, четвёрки и пятёрки получаются.

– Поздравляю! – Я пожал ему руку. – Русский – ерунда, я тебя потренирую. И домашку буду проверять!

– Правда? – Мне показалось, что Никита сейчас растрогается до слёз.

В тот же день мы приступили к занятиям. Домашку по русскому он сделал после уроков под моим руководством. А потом я устроил диктант по пройденному материалу и вlepил ему заслуженную тройку. Никита хотел было возмутиться, но сдержался. В общем, я обнаружил в себе большой учительский талант, и, когда Никитка получил пятёрку за контрольную, мы радовались как сумасшедшие. Эх, чему я радовался, чему я только радовался?!

Второго декабря Никита пришёл в школу со своим сокровищем. Я подарил ему большую шоколадку и книжку, но он даже не взглянул на них, а сразу взялся демонстрировать возможности телефона. Мы выбрали ему мелодию звонка, записали мой номер в «контакты», а потом Никита по секрету показал мне, во что на нём можно играть. Оказалось, что родители поставили ограничение на игры, но старший брат Коля подсказал, как его обойти. Никита дал и мне попробовать.

– Да не жми так! – волновался он.

– Не жму я.

– У тебя руки влажные, видишь следы?

– Что он, растает, что ли?

– Дай теперь мне, – не выдержал Никита.

Прозвенел звонок, Никита спрятал телефон под учебник и всю математику заворожённо смотрел на его тонкий, блестящий бочок.

Теперь на всех переменах Никита самозабвенно играл на телефоне. Первое время я следил за игрой и даже болел за него, но мне быстро надоело. Я звал его на футбол, хоть на одной перемене, но Никита был неумолим. А самое ужасное то, что он вскоре начал общаться с другими заядлыми игроками, в том числе моими недругами – они хвастались перед ним своими достижениями и снисходительно делились какими-то секретиками. Наблюдать за этим было невыносимо, и я бродил по коридорам в одиночестве, хрустя мамиными вафлями без сахара.

В общем, стало мне в школе тоскливо, пришло время жаловаться маме.

– Мам, у Никиты теперь телефон. Он больше со мной не играет в футбол.

– Да? Почему не играет?

– Он играет на телефоне.

Мама и правда расстроилась.

– А ему разрешают?

– Нет, но ему Коля помог.

– Может, поговорить с его мамой? Узнают и заберут у

него.

– Он мне не простит, – возразил я, хотя, конечно, не отказался бы от того, чтоб Никитин обман открылся.

– Да, рискованно, – согласилась мама. – Может, ему скоро надоест?

– Вряд ли.

– Надо предложить альтернативу! – осенило маму.

Мама ушла в другую комнату и вернулась с маленькой серой коробочкой в дырочку.

– Что это?

– Это моя любимая в детстве игра – «Логика».

Мама открыла коробочку с разноцветными фишечками и объяснила правила. А потом усложнённые правила, а потом суперусложнённые, естественно, её любимые. Мы пару раз сыграли, чтобы лучше их усвоить.

Конечно, у меня не было ни малейшей надежды на то, что Никиту заинтересует «Логика», но я должен был попытаться и этой неудачей доказать маме, что подарить мне смартфон – единственный способ вернуть друга.

– Никит, смотри, игра интересная. Хочешь попробовать?

Никита нахмурился и покачал головой.

– А мне можно? – подошла Маруся.

– Можно, – вздохнул я.

Маруся обыграла меня оба раза.

– Классная игра!

Кто бы сомневался, что ей понравится. Я уж хотел ей по-

дарить, но вовремя спохватился, что мама ею дорожит.

– Никита даже не захотел попробовать, – доложил я маме без лишних эмоций.

– Наберись терпения, сынок, – вздохнула мама. – Скоро оценки испортятся, родители заметят...

– Они заметят только в конце триместра! И я так натренировал его по русскому!

Мама собрала заборчик между бровей.

– А ты поговори с ним, – выступила она с очередной гениальной идеей. – В любых отношениях нужно прежде всего поговорить. Расскажи о своих чувствах, о том, как тебе обидно, что он променял тебя на телефон, предложи компромиссный вариант, если ему важно сохранить дружбу...

Так я понял, что смартфона от мамы не добьюсь.

Я долго не мог уснуть в тот вечер. Какие пламенные речи слагались в моей несчастной голове, какие жгучие слёзы текли на подушку! Каково же было моё разочарование, когда, проснувшись, я осознал, что все они никуда не годятся и просто смешны.

В то знаменательное утро Никита, как обычно, сидел с телефоном. Он теперь приходил раньше всех, специально, чтоб успеть поиграть.

Я молча сел рядом.

– Привет! – сказал Никита, не поднимая глаз.

Я не ответил.

– Привет, говорю!

Я молчал.

– Ты чего? – Никита наконец соизволил оторваться от экрана.

Обида душила меня.

– Ничего-ничего, ты не отвлекайся, а то подобьют.

– Уже подбили!

– Ну вот видишь.

– Ты что, обиделся?

– На что это мне обижаться?

– Не знаю.

– И я не знаю.

На математике мы не разговаривали, хотя мне бы не помешала подсказка с одной задачей.

Следующим уроком была физра, и я решил дать Никите последний шанс.

– Брось свои дурацкие игрушки, сыграем в «банку», – сказал я ему в дверях.

– Чего это они дурацкие, а? – неожиданно для меня обиделся Никита.

– А какие ж ещё? Бестолковые? – ввернул я мамино любимое обзывательство.

Никита ехидно сощурился.

– Да ты завидуешь, вот что! Завидно тебе!

– Чему завидовать-то? Что ты окосеешь скоро? Или что на второй год останешься?

– Да если б у тебя был телефон, ты бы вперёд меня окосел! А у тебя нет, вот ты и злишься!

– Да если б не я, не видать тебе этого телефона до 11-го класса! Если б я только знал, что лишаю себя единственного друга, – вспомнил я свои ночные упражнения в красноречии и даже вспотел от волнения.

– Мне бы в любом случае подарили! – парировал Никита. – Не на день рожденья, так на Новый год! Они его уже давно купили на распродаже!

Мне было нечего ответить, и я лишь махнул рукой, как прабабушка, когда она спорила с мамой и не могла переспорить.

Когда перед физрой мне пришлось неприкаянно ходить вдоль шведской стенки, негодование моё росло с каждой минутой.

«Оказывается, друг познаётся не только в беде... Расскажу его папе, ради его же блага. Или хотя бы пригрожу. Или, может, случайно задеть его рюкзак? Или пролить сок на телефон? Хотя... к чему всё это? Нет у меня больше друга». Никита пришёл в зал, я краем глаза заметил, что он поглядывает в мою сторону и, кажется, не прочь помириться, но мне не хотелось примиренья, моё сердце жаждало мести!

Телефон его торчал из заднего кармана штанов. «Даже на физру с телефоном, это рискованно», – ехидно покачал я го-

ловой.

Мы выстроились, Бочка окинул наш кривенький ряд скептическим взглядом.

– Ну что, до двух считать уже научились?

Мы закивали без уверенности.

– На первый-второй рассчитайсь! Первые на-ле, вторые на-пра-во!

Мы отправились на разминку, я встал за Никитой и сам не заметил, как ловко вытащил смартфон из его кармана и переложил в свой. Приседал, хихикая и воображая, как Никита сейчас хватится, побледнеет, заверещит, а я протяну и скажу, что он упал. Мы закончили разминку, но Никита и не вспоминал про телефон. И пока мы ждали нашей очереди играть в футбол, я незаметно положил его под скамейку и поразился своей гениальности – ведь Никита сидел поблизости, а значит телефон мог запросто выскочить. Для меня тут никаких рисков.

Мы с Никиткой оказались в одной команде и провели пару шикарных комбинаций. Никита явно соскучился по нашему футболу и, к счастью, играть не разучился. Про телефон я и думать забыл.

Мы весело обсуждали свои обводки в раздевалке, когда Никитка схватился за опустевший карман.

– Телефон!

Он действительно вмиг побледнел, и мне стало его жалко. Кое-как нацепив брюки, Никита бросился в зал – сейчас

найдёт, ничего страшного. Но оказалось, что физрук уже закрыл зал и отправился на обед.

– Ну что ты так волнуешься? – попытался я успокоить бывшего друга. – Никуда твой телефон не денется – сейчас Бочка вернётся и откроет.

– Можешь со мной подождать? – попросил Никита.

На перемене мы на всякий случай обыскали всю раздевалку. Перемена подходила к концу, а учитель не возвращался. Не приходили и ребята.

– У него нет урока, – упавшим голосом сказал Никита. – Он мог уйти в кафе.

– Закончится окружайка, и мы сразу сюда.

Всю окружайку Никита ёрзал как ужаленный. То бледнея, то потея, он не находил себе места. Теперь на него было совсем жалко смотреть. Но самое ужасное, что Наталья Сергеевна нас задержала, потому что Вергилия никак не могла сориентироваться по компасу.

– Можно выйти? – не выдержал Никита.

– Минутку потерпите, – попросила Наталья Сергеевна.

– Я чувствую, его кто-то найдёт и присвоит, – сказал он мне слабым голосом. – И отец меня убьёт.

– Не найдёт, – заверил я, но и мне стало очень беспокойно.

Так быстро с третьего этажа на нулевой мы ещё не спускались! Зал был уже открыт, и там играли в футбол старшеклассники. Никита обвёл зал глазами и стал белее мела. Я с трудом сдерживал себя, чтоб не ринуться к скамейке.

– Сейчас я тебе позвоню, – предложил я.

– Там выключен звук.

– Я вспомнил! Он у тебя из штанов торчал, наверное, выскользнул, когда ты сидел на скамейке.

И мы побежали к скамейкам. Каков же был мой ужас, когда телефона там не обнаружилось. Я несколько раз перепроверил, отодвинул скамейку, но нет, его там не было!

Ребята бегали как ни в чём не бывало, кого заподозрить – совершенно непонятно. Я стал вычислять, у кого большие карманы, но это было нереально. Настал мой черёд бледнеть и потеть.

– Ну конечно! – Я хлопнул себя по лбу. – Он у Бочки!

Мы понеслись в его комнату.

К счастью, он пребывал в самом благодушном настроении.

– Что стряслось?

– Вы телефон не находили в зале?

– Вот ещё! Вы уже и в зал без телефона не ходите? Совсем тю-тю.

И Бочка покрутил пальцем у могучего виска.

Мы вернулись в зал.

Подбежал один из знакомых старшеклассников и пожал наши ослабевшие, влажные руки.

– Играете?

Я покачал головой.

– Заболели?

– Нет. Ты телефон тут не видел? – спросил я.

– Что, потерял? Нет, не видел.

– А к скамейке никто не подходил?

Он пожал плечами.

– А из зала кто-нибудь выходил?

– Да вроде нет. Как пришли, так и играем. Ребят, телефона никто не видел? – крикнул он своим одноклассникам, но не все даже обернулись.

– Да найдётся, не переживай!

И он хлопнул меня по плечу.

Несмотря на предобморочное состояние, соображал я на удивление ясно: «Телефон взял один из них. Рюкзаков в зале нет. Значит, либо он в кармане, либо... перепрятан. Но куда?» В зале не было ничего, кроме скамеек, ворот и баскетбольных колец. А устраивать досмотр мне бы духу не хватило. Я понимал, что лишь чудо могло спасти меня от катастрофы. Если же его не случится, то перед Никитиным отцом отвечать мне, а не ему. А моим родителям придётся покупать Никите новый телефон, а он очень дорогой. Но самое ужасное – что Никита мне не простит, а если и простит, то не забудет. И тут я обернулся и увидел прислонённый к стене мат. Вот она, моя последняя надежда. Я не спешил к нему, потому что с надеждой жить всё-таки легче, чем без неё.

Прозвенел звонок, и в зал вошли оставшиеся ребята.

– Всё, конец, – сказал я почему-то.

– Да брось, – Никита тоже хлопнул меня по плечу, – не

конец же света.

Бочка уже пронзительно свистел в дверях, когда я медленно подошёл к мату, отклонил его от стены и там, на полу, блеснул экран телефона.

Никита бросился к своему сокровищу, а потом обнимать меня.

– Постой, – отстранился он неожиданно. – Это не ты его туда спрятал?

Я покачал головой.

– Честное слово?

– Честное слово.

Никита выдохнул с облегчением.

– Но как? Как ты догадался?

– Побежали на рисование, расскажу.

И мы побежали. Я буквально взлетел по лестнице, не веря своему счастью. Неужели всё позади? Неужели катастрофа отменилась?

А когда я рассказал Никите о своей догадке, он сказал:

– Ну ты Шерлок Холмс! Просто гений! Обещаю, что до конца года буду играть только на первой перемене, а на остальных – футбол.

– Круто!

И Никита сдержал обещание, хотя это и стоило ему огромных усилий. И я ещё больше его заужавал.

Но до конца года мучиться ему не пришлось. Через месяц он лишился телефона за то, что играл ночью под одеялом.

– Да не расстраивайся! – сказал я, безуспешно пытаюсь скрыть свою радость. – Смартфоны есть у всех, а у нас эсклюзив!

– Чего-о?

– Эс-люк-зив!

– Сам ты эслюкзив!

– Да, а ещё у меня игра эслюкзивная.

И я достал мамину «Логику». С Никитой мне больше понравилось играть, чем с мамой и Марусей, – я наконец-то выиграл.

Новый Тюбик

Это был первый урок рисования после новогодних каникул в третьем классе. Мы с Никиткой вбежали в класс со звонком и, кажется, оба подумали, что ошиблись этажом. У доски стоял странного вида мужчина, с чёрными волосами до плеч и выдающимся горбатым носом, одетый в ярко-фиолетовый костюм. Как и Тюбик, наша учительница рисования, он был высок и тощ. Правда, за последние несколько месяцев Тюбик отрастила большущий живот, как будто засунув под платье подушку. Ну, мы уже не маленькие, поняли, что к чему, и девочки даже смастерили тряпичных кукол для будущего тюбичка. А тут такой сюрприз. Дядя был неизъяснимым образом похож на Тюбика, то ли вытянутым лицом, то ли длинными руками, отчего закрадывалось подозрение, что её преобразование не ограничилось отросшим животом.

– Проходите, молодые люди, – пригласил нас новый Тюбик.

Мы с Никиткой проследовали на свои места и уставились на учителя.

– Меня зовут Иннокентий Тюлин, в этом семестре я буду заменять Елену... Викторовну, которая вышла в декретный отпуск.

– Она родила малышку? – не удержалась Вергилия.

– Она готовится родить малыша, – ответил учитель, сделав ударение на последнем слове.

– А вы её брат? – озвучила Вергилия общий вопрос.

– Я её... заместитель и по совместительству муж.

– А-а, – протянула Вергилия. – И вы тоже художник?

Новый Тюбик вдруг запыхтел весьма устрашающе. Он явно хотел что-то сказать, но почему-то не говорил, а раздувал щёки и ноздри.

– Елена Викторовна – учитель рисования, – наконец выдал он с расстановкой. – Итак, дорогие друзья, сегодня мы сделаем краткое введение в историю кубизма.

Краткое введение затянулось на весь урок. Если вначале мы радовались знакомому имени Пикассо, в середине закивали при упоминании Малевича, то под конец Маруся была единственной, кто пытался вникнуть в занимательные отношения формы и пространства в рамках аналитического кубизма.

– Готов поспорить, в этом году у меня будет пятёрка по рисованию, – сказал Никитка на следующей неделе перед уроком ИЗО.

– С чего вдруг? – удивился я.

– Увидишь.

Новый Тюбик тем временем извлёк из своего чемодана помятый банан и предложил писать натюрморт.

А Никита достал линейку и принялся чертить треугольники.

– Ты чего? – спросил я.

– Он кубист – оценит.

– С чего ты взял?

– Колька его погуглил, он известный кубист.

– Но ты-то не кубист.

– И я кубист, сейчас убедишься.

– Он рассердится, не рискуй. Как запыхтит опять.

Но Никитка не сомневался в выбранном пути. И я решил, что пара треугольников не повредят моему банану. Пол-урок я прикидывал, куда бы их пристроить, поэтому раскрасить натюрморт не успел.

Со звонком Тюбик съел банан и пошёл по рядам. Задержался он только у нашей парты. И ещё немного у Вергилиной, на которой красовался натюрморт с синим бананом.

– Я так вижу, – аргументировала она, как обычно, хотя тот ни о чём не спрашивал.

На другой день перед уроком математики Наталья Сергеевна поинтересовалась:

– Вы что, плохо вели себя на рисовании?

– Нет, мы рисовали банан, – ответила Маруся дрогнувшим голосом.

– У всех тройки, – сообщила Наталья Сергеевна, – кроме Жарикова, у которого стоит пять. У Куликова и Спицыной по четвёрке.

Я заметил, как покраснели уши у Маруси, и вспомнил маму. Маруся провела рукой по лбу, очевидно, стирая холодный пот, и я заключил, что в глазах у неё темным-темно. Сердце моё сжалось.

Класс гудел от возмущения, а Никитка всех успокаивал:

– Не надо шуметь. Я всех научу. На следующем ИЗО у всех будут пятёрки. Гарантирую.

Никитка выполнил обещание, и зимний пейзаж прошёл на «ура». Все получили пятёрки, кроме Маруси, которая не отказалась от реализма и снова огребла тройку, и Вергилии, которая получила четвёрку за жёлтые сугробы, свисающие с неба.

Я нашёл Марусю плачущей в коридоре.

– Маруся, не плачь, – попробовал утешить я. – В следующий раз нарисуешь кубический портрет. Я уверен, у тебя получится лучше всех.

Маруся замотала головой.

– И тебе не стыдно?! Я думала, что хоть у тебя есть ка-

кие-то принципы.

И она убежала, оставив меня в недоумении: с одной стороны, лестно, что она была хорошего обо мне мнения, а с другой – я её разочаровал.

И я пошёл советоваться с Никиткой.

– Нехорошо получается, – сказал я, – что мы все пляшем под его дудку ради оценок. Квадратные сугробы – это ж бредово!

– Квадратные – конечно, а вот треугольные очень даже ничего! – ответил Никита. – Чего ты вдруг озаботился?

– Вот Маруся не согласилась и получает тройки, а мы с тобой слабаки.

– А-а, – протянул Никита. – Вот оно что. Ничего, одна тройка в четверти ей не повредит.

– Она не переживёт, – уверенно ответил я.

– Не волнуйся, Наталья Сергеевна заступится за свою любимую Скворцову.

– Вряд ли. Она недавно говорила, как нам несказанно повезло – учиться у известного художника!

– Ну, я не знаю, что делать, – сказал Никитка.

– Я больше не буду кубистом, – решительно заявил я.

– Да пожалуйста, – пожал плечами Никита.

Я понимал, что ему обидно отказываться от своей гениальной идеи, тем более если все продолжат получать пятёрки благодаря ей. Что ж, порвать с кубизмом в одиночку было даже круче.

В тот героический день новый Тюбик был в шикарном бордовом костюме и при этом особенно мрачен, пыхтел на ровном месте. Он не выпускал из рук телефона и не отвечал на радостные приветствия новоиспечённых кубистов. Из портфеля он достал лишь потрёпанный журнал оценок (мы уже знали от Натальи Сергеевны, что он отказался иметь дело с компьютером).

– Сегодня пишем портреты, – объявил он, даже не поздоровавшись. – Соседа по парте. Или соседки.

И он начал мерить шагами свободную часть класса.

Мы с Никитой посмотрели друг на друга и взялись за кисти. Я вдруг почувствовал такое вдохновение, такую не испытанную ранее свободу творчества, что портрет у меня вышел превосходный. Я и сам поразился: мне удалось передать взгляд Никиты – простой и одновременно с хитрецей. Не удержавшись, я продемонстрировал его Марусе, которая сидела с Вергилией чуть дальше в другом ряду, она улыбнулась и показала большой палец. А потом и свою работу – Вергилия у неё получилась замечательная – мечтательная и добрая. А Вергилия изобразила Марусю с распущенными волосами и голубым цветочным венком на голове. Я сразу представил её такой и глубоко вздохнул от прилива чувств.

Никитка порвал кубический вариант и успел сделать отличный карандашный набросок.

Остальные хихикали над кубическими портретами. Половина из них, обладатели носов-треугольников и глаз-кружоч-

ков, напоминали черепа с причёсками. А самый продвинутый кубист и вовсе вынес части лица за его пределы.

Тюбик прошёлся между рядами и велел сдавать работы. И тут прозвенел звонок, но не школьный.

– Алло! – почти прокричал Тюбик. И через секунду напряжённой тишины он запрокинул голову к потолку и опустил руку с телефоном. Лицо его преобразилось: я никогда в жизни не видел такого счастливого человека. Мы замерли. Тюбик снова поднёс трубку к уху:

– Через полчаса буду, жди.

И тут он вспомнил про нас.

– Мальчик! 54! 3500! – выдал он.

Я пытался сообразить, каким образом некий мальчик и две цифры сумели так осчастливить Тюбика, но недолго, потому что девочки повскакивали с мест с криками «Ура!», «Поздравляем!», и я всё понял.

– Какой умный мальчик – дождался конца урока, – пошутил Тюбик, собирая портфель.

– А портреты? – спросил кто-то.

– Ну давайте! – согласился Тюбик.

И он начал листать наши шедевры. А мы сгрудились вокруг учительского стола. Кубические он смотрел быстро и с улыбкой, поморщился на портрете с убежавшими частями лица, остановился на Никитином, и мы затаили дыхание.

– Недурно! Классический минимализм.

Следом шёл мой портрет.

– Вдохновенно! Хорошо!

Маруся в венке заставила его поднять удивлённый взгляд, но, посмотрев на подпись, он понимающе кивнул.

– И снова удачная гамма, Вергилия, – прокомментировал он.

А вот и сама Вергилия кисти Маруси. Не понятно, что отражало недоумённое выражение лица учителя.

– Кто автор? – поинтересовался он.

Маруся робко отозвалась.

– А у вас талант, милочка!

И тут он опомнился.

– Всё, ребятки, ставьте сами пятёрки, дарите друг другу портреты, а мне пора!

И он ринулся к выходу. Выхватив журнал, я бросился за ним и нагнал в коридоре.

– А вот у Маруси Скворцовой, у талантливой милочки, до этого были тройки, можно исправить?

– Конечно!

– Распишитесь рядом, пожалуйста.

Тюбик поставил весьма художественную закорючку, потрепал меня по голове и поспешил к своему мальчику 543500.

Я принёс журнал обратно, и никто даже не спросил, куда я с ним бегал.

Каково же было моё удивление, когда, придя домой, я обнаружил в портфеле вместо собственного портрета Мару-

син! Но и я не стал допытываться, как это вышло.

Чемпионат по пионерболу

В конце третьего класса у нас состоялось большое спортивное событие – чемпионат по пионерболу с соседней школой. Бочка объявил нам за две недели.

По условиям договорённости с физруком дружественной школы, игрокам на момент чемпионата должно было исполниться не более тринадцати лет.

Бочка незамедлительно приступил к отбору лучших. А я с самого начала знал, что буду в команде. Потому что такой подачи, как у меня, ни у кого нет. Называется она по-умному планер, а по-простому – неберучка. Слегка подкрученная, над самой сеткой, с изменчивой траекторией полёта.

Подавать научил меня папа. Когда мы только начали в этом году играть в пионербол, я вообще не мог перекинуть мяч через сетку. Физра стояла третьим уроком, и Бочка величал меня то князем Криворукиным, то графом Недолетайко.

Я однажды рассказал об этом папе, и мы тут же отправились во двор тренироваться. Был тёмный морозный вечер, руки у меня быстро окоченели, но оказалось, что для подачи-неберучки это самое оно.

Других элементов игры я, правда, так и не освоил. Если даже мяч летит мне прямо в руки, всё равно проскальзывает, как через баскетбольную корзину. Но я прячусь за спины

тех, кто впереди, или встаю под сетку, и ловить ничего не приходится.

Помню, как Бочка подозвал меня после урока.

– Так, Куликов, тренируй подачу. Много и упорно. Я на тебя рассчитываю.

Он хлопнул меня по плечу, и я чуть не присел.

С одной стороны, идея принять участие в чемпионате меня вдохновляла. Воображение разыгрывало душещипательные сценарии, в которых я неизменно выступал спасителем чести и достоинства нашей школы. Естественно, под громкие овации Маруси Скворцовой. Она пообещала прийти, невзирая на риск опоздать в музыкалку! Но чаще при мысли о чемпионате я съёживался от страха: а вдруг я окажусь не спасителем, а потопителем? Вот не полетит подача, и всё. Так бывает. Значит мало того, что не отличник, что не обзавёлся нормальным телефоном, так ещё и криворукий неудачник. Это будет конец всему.

Каждый день после уроков я говорил Никитке: «Мне на тренировку», и особой, слегка косолапой походкой шёл в спортзал. И подавал, подавал, подавал. У меня даже правая рука стала толще.

Вскоре подобрались остальные члены команды, все старше меня. Среди них брат Никитки Коля. Физра – единственный предмет, по которому у него оценка выше тройки. На тренировках он очень старался.

Наконец настал день чемпионата. У меня с самого утра внутри всё сжалось, и в таком сжатом состоянии я просидел все уроки и пробегал все перемены. А потом мы с партнёрами по команде, немного сторбившись под грузом ответственности, отправились в раздевалку, а все ребята и девчонки беззаботно побежали во двор. Только Никитка устроился в вестибюле докрашивать транспарант «ЖАРИКОВ + КУЛИКОВ = СОПЕРНИКОВ РАЗГРОМ» Сочинил это его папа, а бедный Никитка, как выяснилось, рисовал целую неделю, и я не мог сказать, что лучше обойтись без плаката.

Мы собрались во дворе вокруг Бочки.

– Так, все здесь? – он был очень серьёзен и вообще не похож на себя. – Слушаем меня внимательно. Очень внимательно. Мы – чемпионы! Каждый из вас – чемпион. Осталось только доказать это. Сейчас или никогда. Здесь или нигде. За честь нашей школы! Вперёд!

Мы стояли как вкопанные.

– Потюс мори квам фэдари! – провозгласил Коля Жариков. – Лучше умереть, чем опозориться.

– Вот именно, – подтвердил Бочка. – А пока разомнитесь.

И мы начали разминаться у кромки площадки. Кто-то приседал, кто-то бегал туда-сюда, как футболисты. Я не знал, как именно разогреться, и начал махать правой рукой в разные стороны. «Интересно, успел ли Бочка пообедать? Что-то не похоже», – пронеслось у меня в голове.

– Жариков и Куликов соперников разгром! – прокричал

Никитка. Но никто не поддержал его. А я даже не обернулся.

– Идут, идут, – зашумели в толпе.

Как раз вовремя, а то рука уже немела от махания.

Противники топали гуськом во главе со своим физруком, который оказался полной противоположностью нашего Бочки – маленький, сухонький, в синих трениках, вытянутых на коленках. А сразу за ним паренёк в два раза выше его. «Судья, наверное», – подумал я. Физруки же договорились, что игра на нашей территории, а судья ихний.

Мы выстроились в линейку, пожали руки соперникам. Тренеры поздоровались, обнялись.

– Судья, свисток есть? – спросил Бочка, обращаясь к парню-каланче.

– Свисток есть, а судья вот, – указал физрук на другого парня. – А это наш нападающий.

– Васильич, ты что-то попутал? Участники до тринадцати лет, – нахмурился Бочка.

– Включительно, – уточнил Васильич. – Вот ему тринадцать с хвостиком.

– С каким хвостиком? Большим хвостиком? – прищурился Бочка.

– Нормальным. У него папа баскетболист, мама волейболистка, и вот результат.

Бочка, ещё раз смерив результат взглядом, недоверчиво покачал головой.

– Разминаться будете?

– Да нет, – махнул рукой Васильич, – мы, как говорится, всегда готовы.

– Тогда разыграем подачу.

Нам выпала площадка против солнца. И подавать первыми.

Я взял мяч. Трибуны стихли. Трибуны – это, конечно, громко сказано. Но вообще народу собралось немало. Марусю даже не разглядеть. Зато бледная Настя в первом ряду.

Руки у меня были потные-потные. Я попробовал вытереть подающую руку об шорты, но левой рукой выпустил мяч. Кто-то хихикнул, и мне стало совсем нехорошо. Захотелось пустить эту подачу в нос насмешнику.

Я подобрал мяч, судья свистнул, и я подал. Низко, безнадежно низко. За все две недели тренировок я ни разу не попал в сетку, а тут вот.

– 1:0, подача слева, – радостно объявил судья.

«Ну ничего, – успокоил я себя, – перейду в другую школу или уеду в другую страну».

Подача соперников оказалась совершенно пустяшной, я даже слегка приободрился. Мы поймали, перекинули, а тамошняя девочка, недолго думая, отдала пас каланче – тот сделал шаг к сетке и, даже не подпрыгнув, вколотил мяч в нашу площадку, как гвоздь. Только Коля успел дёрнуться, остальные и не шелохнулись.

Трибуны ахнули. Дальше игра стала предсказуемой до ужаса. Несколько раз нам удавалось пробить их оборону, но

если мы не делали этого с первого раза, то тут же следовал очередной гвоздь. Коля заработал два очка обманными ударами, и каланча, получив пас, вколотил мяч прямо перед его носом. Пара сантиметров, и не известно, что бы от этого носа осталось. Настя вскрикнула, а Коля лишь усмехнулся, но вообще дело было гиблое.

При счёте 13:3 судья дал свисток на перерыв.

Васильич сразу начал активный инструктаж и даже нарисовал какую-то схему на листочке. «Усилить приём, обеспечить страховку», – доносилось до нас из центра плотного круга.

Наш Бочка на глазах превращался в бочку пороховую, и мы невольно отодвигались от него подальше. Судя по клокотанию в его животе, он всё-таки не обедал. А тут ещё и позорный разгром. Издевательские инструкции дружественного тренера запросто могли стать последней каплей, точнее – первой и последней искрой.

Так мы и промолчали весь перерыв. И от этого на душе стало совсем тягостно. Даже Коля приуныл. Но после перерыва товарищи по ту сторону сетки совсем расслабились, и мы нехотя набрали четыре очка под вялые аплодисменты родных трибун. А каланча продолжал забивать свои гвозди в полной тишине.

Подача вернулась ко мне при счёте 23:7, то есть когда соперникам оставалось два очка до победы.

«Сейчас или никогда, здесь или нигде», – сказал я себе.

Свисток. Подача. Фирменный планер просвистел над сеткой, вильнул у головы каланчи и приземлился так, будто мяч это последнее, что они ожидали увидеть.

Свисток. Подача. И снова удивленье. И ещё разок. И ещё. И вот уже счёт 23:11.

– Собрались! – слышу я указание Васильича.

Никитка наконец развернул транспарант, трибуны оживились, начали скандировать:

– Ку-ли-ков! Ку-ли-ков!

Товарищи напротив уже всюду пытались поймать мою неберучку. Но мяч выкручивался у них прямо из рук.

23:15.

– Остановите игру, – потребовал Васильич, – я хочу проверить мяч.

Я глянул на Бочку и понял, что Васильич погорячился.

– Что-о? – завопил Бочка.

– Требую мяч на экспертизу, – не спасовал Васильич.

– Не давать! – крикнул Бочка, и я крепко прижал мяч к груди.

– Имею право!

– Тогда его свидетельство о рождении! – Бочка указал на каланчу.

– Что-о?

– Свидетельство о рождении вашего дылдометра.

– Я бы попросил!

– Попроси!

– Ты никогда не умел проигрывать!

– Зато ты хорошо умел!

Тренеры начали сближаться.

– Уважаемые, на вас дети смотрят, – вмешалась Наталья Сергеевна.

И была права – мы смотрели во все глаза. Но тренеров это не смущало.

Бочка уже начинал бодать Васильича животом.

– Что ты свою бочку катишь? – отпихнул его Васильич.

– Что ты сказал?!

– Бочка и есть бочка!

– Что-о?

– Да твоего имени ни один ученик не знает!

– Ха, – усмехнулся Бочка и обернулся к трибунам: – Ребята, как меня зовут?

Ребята в первом ряду побледнели и закивали друг на друга.

– Никифор Ильич, – пискнула Наталья Сергеевна, спрятавшись за чью-то спину.

– Слышал? – обрадовался Бочка. – Так что помалкивал бы, Стручок.

Кто-то из зрителей не выдержал и захихикал. Остальные подхватили, а судья от смеха чуть не упал со своей вышки – стремянки, которую мы одолжили у дворника.

Когда все успокоились, Бочка со Стручком обнялись, игру возобновили. Я бодро подал ещё шесть неберучек. 23:21.

Краем глаза увидел, что Васильич опять посмурнел. И, кажется, сделал какой-то знак игрокам. Следующая подача снова выскользнула из рук противников, но, вместо того чтоб перекинуть мяч нам, каланча бросил его тренеру. Тот принялся его трясти и ощупывать.

Бочка, по счастью, доедал бутерброд и воспринял этот манёвр снисходительно.

– Требую замены мяча, – объявил Васильич.

Бочка молчал.

– Ребята, – обратился к нам Васильич, – сбегайте в зал, принесите другой.

– А нам этот нравится, – ответил Коля.

– Верни мяч, Васильич, – попросил Бочка, дожевывая бутерброд. Мне показалось, что запас его благодушия на этом кончится.

Васильич прижал мяч к себе и попятился.

– Никифор Фомич, – зачем-то вмешался я, – мне ж всё равно, каким мячом подавать. Я сбегаю.

Это был красивый ход. Красивый, но рискованный. Если я не подам новым мячом, Бочка мне не простит. Да и никто не простит. Но пути назад нет.

В школе было совершенно пусто, тихо и пусто, как в фильме ужасов. «Может, затаиться и не возвращаться...» Но ноги сами несли меня в спортзал. А вот и подсобка со спортивным инвентарём. Дёргаю – заперто. «Только не это! Вернуться с

пустыми руками ещё хуже, чем провалить подачу. А Бочка знал! Потому и отпустил». Я прислонился к холодной стене, чтоб удержаться на ногах. «Ну ничего, возьму в раздевалке рюкзак, выйду через чёрный ход и переведусь в другую школу. Папа поймёт».

– Ты чего тут застрял? – передо мной в лучах солнца возник силуэт Вергилии Спицыной. Я бы вскрикнул от неожиданности, но от бессилия только громко икнул.

– Мне нужен мяч, а дверь заперта, – объяснил я

Вергилия подошла к подсобке, толкнула дверь, и три волейбольных мяча глянули на меня с недоумением.

Я выбрал один и побрёл обратно. Вергилия за мной.

– А ты-то что тут делаешь? – спросил я.

– Я наблюдала за чемпионатом через окно, а то у вас там очень страшно, – сообщила она.

– Да, – согласился я, – страшновато. Вергилия, если я сейчас не подам, мы проиграем.

– Не волнуйся. Я с тобой.

На Вергилии был один из самых диковинных её нарядов – длинная пёстрая юбка, вязаная жилетка...

– О, колдуй-бабку привёл, – указал на неё паренёк, несколько раз упустивший мою неберучку.

– Руки-крюки, – не осталась в долгу Вергилия, и парень густо покраснел.

А я уже стоял за лицевой и твердил своё заклинание: «Сейчас или никогда, здесь или нигде», но при этом ясно

чувствовал: нет, не сейчас и не здесь.

Свисток. Подача. Аут.

– Да что ж ты будешь делать! – Бочка хлопнул себя по лбу так, что мне отозвалось в затылок.

– Вот, – возликовал Васильич. – Видите? Я же говорил!

24:22. Первый матчбол.

Подачу мы взяли, последняя надежда на Колю. А он неожиданно отдал пас, и наша девочка выиграла очко.

24:23.

Наша подача. «Вот бы эйс», – подумал я, и, наверное, не я один. Но эйса не получилось, каланча сам поймал мяч, и мы, честно признаться, опустили руки. А тот перекинул его совершенно обычным образом. Никто из наших не ждал такого поворота. А я как раз вылез из-под сетки, чтоб не получить гвоздь в макушку. Так вот, мяч медленно летел мне в руки. Ещё немного, и я бы остановил его взглядом. Но пришлось ловить. И я, свернувшись вокруг него калачиком, упал на землю, да так и залёг.

– Куликов, вставай! – шепнул Коля.

А я боялся встать, чтоб не выронить мяч.

– Ку-ли-ков, Ку-ли-ков, – завопили трибуны.

Я кое-как поднялся. Да, ничто не мешало мне применить неберучку. Но тогда состязание вежливости можно было бы считать оконченным, и на следующем розыгрыше мы получили бы гвоздь. Поэтому я сказал:

– Коля, пасую тебе.

Коля не без труда поймал мой пас, со страху тут же перекинул соперникам, и те не успели сориентироваться.

Трибуны взревели. На сей раз Васильич ударил себя по лбу. А Бочкино громоподобное «Вперё-ёд!» спугнуло стаю голубей с соседней крыши.

24:24. Наша подача.

Первый длинный розыгрыш. Туда-сюда, туда-сюда. Взмылились все. Я стоял под сеткой, превратившись в зрителя, и всё равно вспотел от волнения. Дамы начали взвизгивать при каждой передаче. Судья на вышке уставился в одну точку, далёкую от площадки. Наконец мяч завис на сетке, покачался и свалился мне на голову, а с головы в руки.

– Да ничего, – махнул рукой Васильич, – это не считается. Продолжаем игру.

– Нет, – сказал Бочка, – двойное касание есть двойное касание. Куликов, отдай мяч.

Я охотно повиновался.

Судья спросил счёт у игроков и объявил:

– 25:24.

Но для победы нужен был разрыв в два очка. Игра продолжилась. У соперников очередной матчбол.

Слабый свисток, подача. Мяч снова застрял на сетке. И, хорошенько поразмыслив, скатился на чужую сторону и уже под сеткой переправился к нам.

Судья молчал. Вместо него счёт объявил Бочка:

– Ровно. 25:25.

– Ура! – закричал кто-то из зрителей, и я узнал голос Вергилии. – Победила дружба!

– Ура! – поддержал кто-то, а потом ещё кто-то.

Я кивнул Коле, и тот мощным ударом ноги отправил мяч за забор. Никитка порвал плакат. И мы все стали пожимать друг другу руки, обниматься и плакать. Каланча обнялся с Бочкой, остальным было неловко утыкаться ему в живот. Маруся вдруг оказалась рядом и смотрела на меня во все глаза, а я на неё. О большем я и не мечтал. Нет, правда, разве мог я вообразить такой матч, такой невероятный сценарий...

Как же сладко мне засыпалось в тот день, с каким восторгом перебирал я в памяти все повороты событий: вот я пошёл за новым мячом – привёл Вергилию – дылдометр не стал забивать – я отдал пас Коле – Вергилия остановила игру... А потом ещё Никифор Ильич пообещал мне пятёрку по физкультуре до конца учёбы. Но я отказался в пользу Вергилии, которой всегда крепко от него доставалось.

– Это невозможно, – сказал Бочка, – максимум четвёрка.

– Хорошо, – согласился я.

И тут же по строжайшему секрету обрадовал Вергилию, а та не удержалась – поделилась с Марусей. И я получил дополнительную порцию восхищённых взглядов.

Но когда я всё-таки уснул, сон мне привиделся просто кошмарный.

– Верни мяч, Васильич, – просит Бочка, а тот пятится,

прижимая его к себе.

Бочка вырывает мяч и бросает мне.

– Куликов, подавай!

Я подаю, соперники нарочно не ловят, судья свистит, Васильич бросается на Бочку с кулаками, Коля трясёт вышку с судьёй, дамы на трибунах визжат, начинается потасовка, кто-то заламывает мне правую руку...

Я очнулся от боли в руке и долго не мог сообразить, какой из вариантов всамделишный. «Нет, на самом деле всё было хорошо, – успокоился я наконец, – потому что *так* хорошо даже во сне не бывает».

Премьера

В середине сентября на уроке литературы в класс заглянула директорская секретарша и попросила Никиту зайти на перемене к директору. Я, само собой, отправился его проводить и поддержать. Директор у нас вообще-то не страшный – небольшого роста, с аккуратными усиками, любит пошутить и посмеяться, но от шуток до серьёза у него, как от любви до ненависти, один шаг, а то и вовсе не различишь. И в серьёзе он очень внушителен: взгляд, голос такие, что остаётся только молчать и кивать. Никто из нас не видел его в гневе, но ходят слухи, что он становится подобен извергающемуся вулкану. Собственно, нам об этом поведал сам Коля Жариков. А ещё он рассказал, что перед взрывом директор молчит и смотрит стеклянным взглядом, и ничто не предвещает,

а потом ка-ак... В общем, даже во время Колиного рассказа нам становилось жутковато.

Пока мы спускались на первый этаж, голову сломали – за чем директору понадобился Никита. Успели вспомнить все прегрешения за три года учёбы. Остановились у кабинета, а он тут как тут.

– О, сладкая парочка, – смеётся. – Ну, проходите вместе.

Кабинет директора тоже оказался внушительным: с красивой, солидной мебелью, какими-то фигурками и портретами, тёмными шторами и особым, тяжеловатым запахом.

Директор уселся в большое кресло.

– Ну что вы уставились, как кролики на удава? – усмеялся он. – Чего робеть, коли совесть чиста?

Мы скромно улыбнулись.

– А позвал я вас в связи с тем, что исполнилась моя давняя мечта, – директор, не усидев, поднялся и обосновался за спинкой кресла. – В школе появилась театральная студия, и к Новому году мы поставим «Буратино». Я лично подбираю труппу, и труппа подбирается... шикарная. Труппа мечты! Купим костюмы, сделаем декорации, разучим песни, это будет фурор.

Мы с Никиткой закивали.

– Тебя, Никита, я вижу в роли Пьеро, – продолжил директор, потирая огромные руки. – Твой излом бровей идеален, даже подрисовывать ничего не надо.

С этими словами брови Никиты сделали такой домик, что

директор пришёл в восторг.

– Вот! Тебе и играть ничего не надо. Выучишь несколько реплик, и всё.

– А я? – спросил я.

– А ты, поэт, будешь одной из кукол, они время от времени появляются на сцене, поют хором песни и двигаются вот так.

И директор очень круто изобразил робота.

– В общем, вы согласны, репетиции начинаются сегодня.

Мы с Никиткой вышли в смешанных чувствах: с одной стороны, доверие директора дорогого стоит, с другой – до Нового года ещё три месяца.

После уроков, вместо того чтобы бежать с ребятами играть в футбол, мы поплелась в актёрский зал. Труппа и правда подобралась такая, что без костюмов можно было угадать, кто есть кто.

Вот этот рыжий шустрик из второго класса, ясное дело, Буратино, а лохматый громадина из девятого – Карабас, хитрован из пятого – Базилио, оттуда же бойкая рыжая девочка – да её же и зовут Алисой! Коле Жарикову досталась роль Дуремара. В уголке притулилась маленькая девочка с огромными, испуганными глазами – видимо, Мальвина.

Пожаловал директор. Руководитель театральной студии, Людмила Ивановна, явно робела и кивала ещё до того, как тот успевал сформулировать очередное указание. Она пыта-

лась делать пометки в сценарии, но это было не просто, так как главный режиссёр менял рекомендации на ходу.

– После песни смена декораций, появляются куклы, пометьте, что нужен очаг, ключик, шарманка...

– Шарманка?

– Да, шарманка. Полено, банка с пиявками не помешает...

– Настоящими?

– Почему бы и нет? – посмеялся директор.

– Букварь?

– Да, конечно.

– А можно я свою удочку захвачу? – вмешался Коля.

– Он по сценарию удит? – уточнил директор у Людмилы

Ивановны.

Та начала дрожащими руками листать сценарий, но сцену рыбалки не обнаружила.

– Тогда не надо, – сказал директор. – Запомни, Коля, главный закон драматургии: если на стене висит ружьё, оно должно выстрелить.

Коля только пожал плечами.

Репетиция прошла не то чтобы плодотворно: мы получили сценарии с текстами песен и клятвенно пообещали не пропускать репетиции.

И мы с Никитой клятву сдержали, но только мы. Остальные актёры болели по очереди и вместе. Мальвина от страха не могла выдавить из себя и слова и только хлопала длинными ресницами. Карабас оказался страшным лентяем и по-

стоянно забывал слова. Людмила Ивановна много нервничала и время от времени поглядывала на дверь в зал, видимо, опасаясь, что явится директор с ревизией. По моим ощущениям, всё держалось на второкласснике Буратино и выскочке Алисе. Ну и Дуремар был вполне себе убедителен. Директор так ни разу и не пришёл, и генеральная репетиция стала первым прогоном, который мы отыграли от начала до конца и не сказать, чтобы очень гладко.

И вот настал день премьеры.

– Кость, не обижаешься, что нас с папой не будет? – в сотый раз спросила мама, провожая меня в школу.

– Нет, конечно, – в сотый раз заверил я.

– Волнуешься?

– Чего мне волноваться? У меня даже слов нет.

– Не расстраиваешься, что слов нет?

Я тяжело вздохнул.

– Не расстраивайся, ещё сыграешь свою главную роль, – сказала мама.

А ведь я и правда не обижался, не расстраивался и даже не волновался.

Но когда выглянул из-за кулис в зал, некоторый мандраж всё-таки ощутил. Народищу набралась тьма: весь учительский состав, все классы вплоть до 9-го, ещё и родители по стеночкам.

– Коля, что это у тебя? – услышал я за спиной слабый голос Людмилы Ивановны.

– Пиявочки.

– Живые?

– Конечно.

Я с удивлением обернулся: Коля крутил перед носом Людмилы Ивановны трёхлитровую банку с десятком наипротивнейших пиявок. Людмила Ивановна бледнела на глазах, и я поспешил подставить стул.

А тут директор пришёл сделать напутствие.

– Ну что, готовы?

Он оглядел свою трупшу мечты.

– Красавцы! А где Мальвина?

Мы начали оглядываться по сторонам и пожимать плечами. Обнаружили на стуле её платье с париком.

– Дезертировала, – грустно сказал директор. – Это моя вина. Куликов, переодевайся, будешь Мальвиной.

– Почему я? – опешил я.

– Глаза большие. И ты мастер импровизации, так что срочный ввод – это для тебя.

– И у него опыт есть девочек изображать, – ехидно напомнил Никита.

– Но это будет... смешно, – сделал я последнюю попытку.

– Посмотрим, – задумчиво сказал директор.

Меня нарядили в голубое платье, которое в плечах затрепало по швам. Бежевые ботинки на шнурках оставили, так как запасных туфель не было. Голубой парик завершил мой образ, изменив до неузнаваемости.

– Всё, ребятаки, нопасаран, – сказал директор. – Мальвина, не сутультесь.

И он хлопнул меня по спине, так что швы расползлись до дыр.

– Дорогие зрители, – донеслось со сцены, – прошу занять свои места, выключить телефоны и приготовиться смотреть главную премьеру этого года – спектакль по мотивам сказки Алексея Толстого «Буратино».

Зрители притихли, а папа Карло и Джузеппе с поленом отправились на сцену. Буратино был спокоен, как слон, и отыграл так же легко, как на репетициях. Не успели глазом моргнуть, как он уже купил билетик в кукольный театр, заиграла музыка, и мы с Никиткой двинулись с песней на сцену.

– Сейчас вы увидите комедию, – продекламировал Никита. – Она называется «Девочка с голубыми волосами, или Тридцать три удара». Меня будут бить палкой, давать пощёчины. Это очень смешная комедия.

Арлекин принялся дубасить бедного Пьеро палкой, а тот продолжал:

– Я грустный, потому что от меня убежала невеста. Её зовут Мальвина, девочка с голубыми волосами.

Тут Никитка посмотрел на меня и не удержался от смеха, но сделал вид, что плачет.

Да уж, чего-чего, а оказаться женихом и невестой мы никак не рассчитывали.

Буратино выскочил защищать Пьеро, и в общей суматохе

никто, кажется, не заметил, что с Мальвиной что-то не так.

Дальше все играли неплохо: Алиса только немного перестаралась, а Карабас пару раз запнулся.

Мне предстояла обширная сцена с Буратино, где Мальвина должна учить его манерам, математике и прочему. Я перечитывал текст и пытался войти в образ, вспоминая Марусю.

Наконец кто-то толкнул меня на сцену. Всё прошло отлично, как по маслу. Я ни разу не запнулся и вообще очень здорово изобразил занудную Мальвину, чем заслужил небольшую порцию аплодисментов. Оставалась лишь небольшая сцена с Никитой. Но какая! Ему предстояло объясниться мне в любви, и это оказалось выше наших сил.

– Здравствуйте, Мальвина! – сказал Пьеро.

Я склонился в реверансе.

– Здравствуйте, Пьеро!

Дальше я должен был что-то спросить, какую-то ерунду вроде «Не хотите ли выпить кофе?», но в тот момент я понял, что ничего не помню и даже не могу попробовать вспомнить! Извилины будто парализовало!

Пьеро смотрел на меня глазами, полными ужаса.

– А что вы тут делаете? – поинтересовался я не своим голосом.

– Я? – переспросил Пьеро.

– Вы, – подтвердил я.

– Я? – повторил Никита, и зрители захихикали.

– Вы-вы, Пьеро, – невероятным усилием воли я вернулся в образ девочки-зазнайки. – Что вы тут делаете?

– Я люблю вас, Мальвина, – сообщил Пьеро упавшим голосом.

– И я вас, Пьеро, – неожиданно и с чувством ответил я.

Из зала донеслось шушуканье с хихиканьем.

– Что же нам делать? – ничуть не обрадовавшись моему признанию, спросил Пьеро.

Я развёл руками, и тут, к счастью, на сцену выскочил Артемон.

– Ав-ав!

– Рад тебя видеть, Артемон, – сказал Никита.

– Ав-ав, – обратился ко мне Артемон.

Я помнил, что это «ав-ав» по сценарию и я должен был дать ему какое-то указание, но какое? Мне хотелось стукнуть себя по голове.

– Что, дорогой? – спросил я с надеждой вместо того, чтобы сказать: приведите сюда Буратино!

Артемон ещё разок сердито гавкнул и скрылся, а мы снова остались с Никитой наедине. В полной тишине. Я заметил, что Людмила Ивановна полусидит за сценой без чувств и Базилио помахивает над ней своей шляпой.

– Не прочтёте ли мне одно из ваших чудесных стихотворений? – нашёлся я.

Никита кивнул.

– Белеет парус... – начал было Никита, но слова его пото-

нули в зрительском ха-ха, среди которого я различил до боли знакомый смех-ультразвук. «Неужели мама нашла способ улизнуть с очень важной рабочей встречи?»

И тут на сцену выскочил Буратино.

– О, Буратино! – обрадовались мы.

– Вы меня звали? – он многозначительно поднял нарисованные брови. – Вы что-то хотели мне рассказать?

И он начал красноречиво размахивать золотым ключиком. Как мы не догадались поведать ему о потайной двери в каморке папы Карло, мне уже никогда не понять. В ответ мы с Никитой лишь покачали головами. И Буратино, пожав плечами, удалился. Мне ужасно хотелось последовать за ним.

– Так на чём мы остановились? – вместо этого спросил я у Пьеро.

– Белеет парус одинокий, – начал опять Никита, и смех в зале перешёл на уровень беззвучного.

И тут на сцену, с трёхлитровой банкой под мышкой, вышел Коля-Дуремар.

– Я вам не помешал? – спросил он, стараясь не поворачиваться лицом к залу.

Мы энергично замотали головами.

– А вы в курсе, что скоро сюда придут Карабас, Базилио и Лиса Алиса?

«Скорее бы», – подумал я, но изобразил испуг, закрыв лицо руками.

– Где Буратино? – грозно спросил Дуремар.

Сквозь щелочку между пальцами я увидел, что Пьеро показал за кулисы. Нет, так сдавать Буратино не годилось.

– Нет! – крикнул я. – Буратино там нет. Он убежал туда.

И я показал в зал, потому что больше было некуда. И не просто в зал, а точно в директора, который сидел со стеклянным взглядом. Да, с тем самым стеклянным взглядом. Колени мои предательски подогнулись, и я слегка присел.

– Я позову Карабаса, – кричал тем временем Коля с неподдельной угрозой в голосе, – и мы отыщем его, и заберём золотой ключик, а вас всех сожжём в печке.

И направился к выходу.

– Не уходи! – взмолился Пьеро.

– Я вернусь, – заверил Коля.

Видимо, я так убедительно изобразил испуг, что зал притих и больше не хихикал. Через секунду Буратино выскочил из-за кулис как ошпаренный и спрятался между зрительскими рядами.

– Не выдавайте меня! Пожалуйста! – жалобно выкрикивал он.

Следом за ним выбежали Карабас, Алиса и Базилио. Дуремар оставил банку у сцены и начал командовать ими, как группой захвата:

– Рассредоточимся. Алиса, контролируешь выход! Карабас, заходи справа! Базилио, прикрой меня!

Мы с Никиткой переглянулись: четверо на одного нечестно. И ринулись в зал спасать Буратино.

– Артемон, за мно-о-о-ой! – крикнул я. – Алису беру на себя!

– А я Дуремара, – бесстрашно отозвался Пьеро.

– Базилио мой! – услышал я Артемона, закрываясь от трости Алисы, которой она принялась охаживать меня весьма чувствительно. Тут я заметил маму, которая явно хотела броситься мне на выручку.

И хотя драка Пьеро и Дуремара с элементами каратэ отработывалась годами, поединок Мальвины с Лисой вызывал особенный восторг зрителей. Мне приходилось одновременно думать о том, чтобы не уронить честь Мальвины, не ударить больно Алису, не потерять парик и показать маме, что ситуация под полным контролем.

Буратино носился между рядами, и гигантский Карабас вскоре запыхался. Борода цеплялась за зрителей, Карабас извинялся.

Наконец во время очередного ускорения на отрезке между сценой и стульями директор ухватил его за бороду и застыл. Карабас съёжился, а директор начал водить глазами по кругу. Мне вспомнились страшные собаки из сказки «Огниво», но смекалистый Буратино понял задумку и побежал во круг него, а Карабас осторожно за ним.

– Догони меня! – дразнился Буратино.

Через два круга Карабас оказался крепко примотанным к директору и очень натурально заплакал, а Буратино бросился к сцене, куда уже догадались выйти Джузеппе и папа Кар-

ло с очагом.

Коля с Никиткой прекратили рукопашную, я сломал об колено Алисину трость и уже собрался за ними, когда раздался глухой звон, а вслед за ним душераздирающий визг. Я понял: ружьё-таки выстрелило, закон жанра. Вода из банки вместе с её обитателями разлилась до самого первого ряда. Училки попрыгали на стулья, но не все сумели удержаться. Одна из пиявок оказалась совсем рядом с Карабасом, тот рванулся и остался без бороды.

– Мои пиявочки! – вскричал Дуремар и ловко водворил их на место. А потом эффектно сел в лужу в обнимку с банкой.

По сценарию мы с Буратино, Пьеро и другими куклами должны были, взявшись за руки, открывать очаг, но после всего пережитого мы схватили и Алису, и Базилио, и мокрого Дуремара, и безбородого Карабаса, и, конечно, директора с бородой-горжеткой. Не без труда вытащили на сцену полуживую Людмилу Ивановну.

Зрители аплодировали стоя. Мама кричала «Браво!»

– Это фурор, – заключил директор, когда мы окончательно ушли за кулисы. – В классе напротив зала для актёров накрыт праздничный фуршет – жду всех.

– А можно пригласить друга? Или подругу? – подсуетился Коля.

– Вам, Жариков, всё можно, – ответил директор. – Только пиявок оставьте.

Общими усилиями меня освободили от насквозь промокшего платья, и на выходе из зала я столкнулся с Марусей.

– Мальвина в туалете, – тихо сообщила она, – плачет и боится выйти.

Я понимающе кивнул и отправился вызволять беднягу. Маруся удостоверилась, что туалет свободен, и я вошёл. Большие глаза Мальвины при виде меня стали ещё больше.

– Отыграли, – сказал я. – Всё хорошо.

– Меня выгонят из школы?

– Никто тебя не выгонит! Директор признал, что сам виноват.

Мальвина вытерла слёзы и, всхлипывая, пошла вниз. Маруся, кажется, приготовилась прощаться.

– Пойдём с нами праздновать, – пригласил я.

– Я-то тут причём? – смутилась Маруся.

– При всём! – многозначительно ответил я.

Фуршет получился выше всяких похвал. Чем угощали, правда, не помню. Помню, что все смеялись и не могли остановиться, особенно после того, как директор ушёл.

– Так, – сказал он на прощанье, – следующий в программе – мюзикл «Русалочка». Мы должны превзойти себя!

Никита окинул меня взглядом так, как будто мысленно примеривал мне рыбий хвост.

– Отлично, – одобрил Коля в полной тишине. – И пиявочки в деле.

Тайный сын

В классе у нас, между прочим, двадцать семь человек. А то может показаться, будто всего четверо. Остальные двадцать три в основном нормальные, но есть двое, про которых лишний раз вспоминать не хочется, а придётся. Звать их Семён и Вениамин, коротко – Сенька и Венька. Но обычно их зовут просто Клещики. Потому что фамилия у них – Клещ. Сенька Клещ и Венька Клещ – двойняшки. То есть родились одновременно, но различить их можно: один чуть повыше, другой пониже, один чуть пошире, другой поуже, дальше передать на словах разницу сложнее: причёски у них одинаковые – волосы до плеч, собранные в хвостик. Но главное – что оба здоровые, а характеры – одинаково противные. Нас с Никиткой эти братья сразу невзлюбили, просто так, сами не зная, за что. А когда Наталья Сергеевна начала поддерживать меня в борьбе с математикой, то вроде и повод нашёлся. Присылали мне записочки «подлиза», хихикали и корчили рожи, когда я отвечал у доски, и ещё всякое по мелочи. Благодаря Никитке, я даже не обижался. «Да ну их, дураков, – говорил он, – не обращай внимания». Я и не обращал. Почти. Во втором классе они ещё больше озлобились. Уже, бывало, и рюкзак пнут, и пенал утащат. В толкучке непременно плечом пихнут. И как-то получалось у них улучшить момент, когда никто не видит и Никитки рядом нет. Да и словарный запас у них пополнился. «Достали меня Клещики», –

пожаловался я как-то Никите. «Что ж ты раньше молчал?» – удивился он. И, недолго думая, к брату. Я даже и не знал об этом. Но на следующий день Сенька с Венькой на меня даже глаз не поднимали. И всё бы хорошо, если б они не принялись за Вергилию.

– Может, попросишь Колю ещё разок провести беседу с Клещиками? – предложил я Никите.

– Да ей по барабану, – отмахнулся он.

– Вергилия, – сказал я, – если тебя Клещики достанут, ты мне скажи, что-нибудь придумаем.

– Мама говорит, настоящие поэты всегда гонимы, – пожалла плечами Вергилия. – Так что мне даже приятно. Пускай куражатся.

Но я всё-таки время от времени заступался за Вергилию. Особенно если Маруся оказывалась рядом.

Это была предыстория, а история случилась в ноябре четвёртого года обучения. Когда Никитка заболел, а вслед за ним Коля. Обычно мы с Никиткой одновременно болеем, но в этот раз я почему-то не заразился. В общем, остался один. И Клещики решили отыгаться. И так разошлись, что через два дня ходить в школу мне категорически расхотелось. Хуже всего, что они привязались к нам с Марусей.

Она взялась объяснить мне задачу по математике, но мы как-то незаметно перешли с задачи на книжку, которую она мне недавно рекомендовала.

– О, сладкая парочка! – смеётся Сенька Клещ.

– Романтическая беседа! – хихикает Венька.

– Сами вы сладкая парочка! – огрызаюсь я. – А мы математику обсуждаем.

Зачем я стал защищаться, оправдываться? Как это позорно!

– Да ты не переживай, Ромео! – говорит Сенька и брату подмигивает. – Мы никому не скажем.

Имя «Ромео» я, конечно, слышал, но кто это, откуда, понятия не имел. И это ещё больше сбило меня с толку.

– Потому что нечего говорить-то, – сказал я. – Нечего.

Тогда этот ответ казался мне вполне остроумным, но сейчас я понимаю, как же я был жалок! До сих пор злость на себя берёт.

Маруся, не выдержав, ушла. А я за ней не побежал. Я изо всех сил делал вид, что даже этого не заметил.

– Эх, Ромео, – покачал головой Сенька. – Отрёкся от Джульетты. Ай-ай-ай.

– Она тебе не простит, – подтвердил Венька.

И они, довольные, удалились.

– Мам, можно я недельку поболею? – попросил я вечером. – Мне без Никитки скучно.

Мама ожидаемо возмутилась.

– Ещё чего!

– Ну пожалуйста.

Вид у меня был такой несчастный, что мама заподозрила

неладное.

– Что случилось? Почему ты не хочешь в школу?

Я излил маме душу и тут же пожалел об этом. Мама пришла в такое возмущение! Даже в тот раз, когда я, спрятавшись в шкафу, порвал её любимое платье, было тише.

Только я не понял, кто её больше возмутил – Клещики или я.

– А ты что сказал? Что нечего рассказывать? Разве так можно? Бедная Маруся!

– А что я мог сказать? – возмутился и я.

– Да что угодно! Ты мог сказать: да, сладкая парочка, а вам что, завидно?

– Они тогда ещё больше дразнить будут. Женихом и невестой обзовут.

– И пусть! Обзовут и успокоятся, если на них не реагировать. Сколько раз я тебе это объясняла!

Ну вот, вместо утешения получил выговор. Точно не мой день. Но мама уже переключилась на Клещиков.

– Какие же подлые! Перебрасываются пеналом?! Разбирают ручки?! – она метала гром и молнии, на которые прибежали папа с бабушкой. В общем, целый семейный совет собрался.

– Надо дать им в нос, – сказал папа.

– Почему в нос? – спросил я.

– Болезненно и кровь пойдёт, не до драки будет, – спокойно объяснил папа.

– Ни в коем случае, – вмешалась мама. – Насилие – это не выход. Я поговорю с их родителями.

– Сам директор с ними регулярно беседует, – сообщил я.

– Ремешок по ним плачет, – высказалась бабушка и ушла к себе.

– Дай в нос, – повторил папа. – Или по шее, вот так. Это не опасно, но страшно.

И он показал, как ударять ребром ладони по горлу.

Мама схватилась за голову, заметив мой интерес.

– Нет, пожалуйста, я сейчас же звоню родителям.

Она закрылась в комнате, откуда доносились сначала дружелюбные приветствия и даже смех, потом сдержанные замечания, обрывавшиеся на полуслове, и наконец повисла напряжённая тишина. Когда мама вышла, её лицо ясно выражало, что, попадись ей сейчас Клещики или их родители, она бы применила все папины приёмы разом.

– Ну что? – спросил папа не без злорадства.

– Они уверяют, что это Костя к ним пристаёт, обзывает, унижает из-за их фамилии. А они не могут ему ответить, потому что у его друга есть старший брат, а тот брат угрожал их избить, если они пожалуются. В общем, они еле уговорили маму не обращаться пока к директору.

– Далеко пойдут, – хмыкнула бабушка из-за двери.

– Надо дать в нос, – повторил папа. – И никакой Коля не понадобится.

Мама, помолчав, заключила:

– Нужны свидетели, доказательства... иначе гиблое дело.

Я уже, конечно, миллион раз пожалел о своей откровенности.

– Но пропускать из-за них школу нельзя, – сказала мама.

– Согласен, – поддержал папа.

– Постарайся не оставаться с ними наедине, – посоветовала мама. – Будут свидетели – пойдём все вместе к директору.

– Да их все боятся! – возразил я.

– Маруся их точно не боится.

Я безнадёжно покачал головой.

Тот невероятный день я запомнил в деталях и надолго. Когда мама пришла меня будить, я сразу догадался, что она не спала, – такое одновременно усталое и взбудораженное лицо. А ещё она явно терзалась сомнениями, отправлять меня в школу или нет, поэтому слушала рассеянно, отвечала после паузы и поминутно вздыхала.

– Мам, кажется, у тебя каша подгорела, – сказал я сразу, потому что запах стоял отвратительный.

– Похоже, – согласилась мама. – Но я уже сняла её. Сверху можно немного съесть.

Но я-то знал, что даже слегка подгоревшая овсянка пропахнет насквозь.

– Может, яйцо сварить? – спросил я, войдя в задымлённую кухню.

– Яйцо? – переспросила мама после паузы. – Да, лучше

яйцо.

– Пожарных вызывать? – донёлся голос бабушки.

Но мама даже не обернулась.

– А можно на мою долю пару яиц? – поинтересовался папа.

– Нельзя, – на сей раз быстро среагировала мама.

Папа, к счастью, не обиделся. Но я почувствовал, что за неимением под рукой Клещиков накопленное за ночь негодование может достаться нам, и, наскоро проглотив яйцо всмятку, побежал одеваться. И в школу я пришёл рановато.

Захожу в класс, а там Вергилия и Клещики. Иду к своей парте и чувствую: нехорошо мне. Сейчас какую-то пакость сделают, а Вергилия так себе свидетель.

Сажу к ним спиной, ковыряюсь в пенале, и так мне обидно от собственной беспомощности, что чуть не плачу. А они сзади шушукаются и хихикают.

«Дам в нос, – твёрдо решил я. – Только кому – Сеньке или Веньке? И за что?»

– Куликов, ты чего грустный? По другу скучаешь? Или по Джульетте?

Я молчу.

Подходят с двух сторон. Сенька рядом садится, а Венька на стул передо мной и заглядывает мне в лицо.

– Ой, смотри, он сейчас заплачет!

«Ну, – думаю, – Венька, сам напросился». Только сидя в нос бить совсем несподручно – не замахнуться, а без замаха

получится слабо и смешно.

И я встаю. Но стоя бить сидящего Веньку вообще нерезонантно.

А они уже смеются вовсю.

– Он нас уважает!

– Правильно, в нашем присутствии только стоя!

– Смирно!

– Отставить!

Я взял и ушёл. Понимая, что пару ручек они мне разберут на запчасти.

А Вергилия что-то в блокнотик строчит, как будто ничего не происходит.

До самого звонка бродил я по коридорам, а вернувшись, обнаружил, что все ручки на месте и в целости. Проверил рюкзак – тоже вроде ничего не тронут и даже бутылка с водой полная. Сижу и такое ощущение, будто мне затылок про сверлят. Или кажется?

После звонка Клещики обошли меня в проходе так, что я даже не заметил. Чудеса, да и только! Что ж они задумали?

На математике я из-за этих мыслей плохо ответил, перепутал то, что уже давно усвоил, а они даже не порадовались!

Дальше – больше. В столовую я стараюсь приходиться во второй половине большой перемены, чтобы как раз с Клещиками разминуться – они-то добегают туда, ещё пока звонок не затихнет. Прихожу, а Марья Дмитриевна, у которой Клещики в любимчиках, потому что сметают всё с тарелок не

глядя, вдруг съёт мне шоколадку. Может, это задумка Клешиков – мне какую-то отравленную шоколадку через Марию Дмитриевну передать? Крутил её в руках, вертел – обычный запечатанный сникерс. Но есть всё равно не стал.

Покидаю столовую в задумчивости и наталкиваюсь на уборщицу. По привычке отскакиваю на безопасное расстояние. Нет, она обычно не бьёт шваброй, но ворчит так сурово, что настроение портится минимум на полдня. Вот старуху из «Сказки о рыбаке и рыбке» я представлял именно так.

И вдруг вместо бранной тирады...

– Ай-ай-ай, не ушибся?

И улыбается.

Я глаза выпучил, головой помотал и текать, пока она не передумала улыбаться.

Бегу в спортзал и натыкаюсь на Бочку.

– Куликов, – Бочка встречает меня многозначительной улыбкой. – Физкульт привет!

Звонок, свисток.

Построились.

Я, как всегда, третий с конца.

Вдруг Бочка меряет меня взглядом.

– Куликов, ты чего так далеко? Ну-ка двигай сюда.

И велит мне встать перед Клещиками, притом что я на полголовы ниже обоих.

– На первый-второй рассчитайсь!

Рассчитались, размялись, вижу – Бочка футбольный мяч

достаёт.

Я обрадовался, что меня в первую же команду поставили, пожалел только, что Маруся оказалась в противоположной. Но тут началось что-то совершенно непонятное: Бочка зверски подсуживал нашей команде, назначая противникам фолы и пенальти на ровном месте.

Закончили с разгромным счётом.

Вижу – Маруся красная от бега, с растрёпанными косами, а между бровей недовольный заборчик собрался. На меня со вчерашнего дня не глядит. Подхожу.

– Извини, – говорю. – Я не знаю, что с Бочкой случилось.

– Не знаешь?

– Понятия не имею.

– Не боишься, Куликов?

– Чего?

– Того, что всё раскроется.

– Что раскроется?

– То, что никакой ты не сын директора.

– Какого директора?

Маруся махнула на меня рукой и ушла.

В голове моей заплясали, как в калейдоскопе, все странные картинки того дня: исправившиеся Клещики, шоколадка, улыбка уборщицы, Бочкин свисток... Всё это связано, но как? Чтобы распутать этот клубок, надо найти начало. Так, я ухожу из класса, Клещики остаются. Клещики и Вергилия. Где Вергилия? А Вергилия стоит на воротах. Вместо спор-

тивных штанов, как всегда, чёрные шаровары. Смотрит куда-то в стену, вот-вот получит мячом в лоб. Но, к счастью, мяч летит в ворота, минуя вратаря. Свисток, матч окончен.

Я еле дождался, когда Вергилия выйдет из раздевалки.

– Вергилия, мне нужно с тобой поговорить.

– Что такое?

– Когда ты осталась с Клещиками перед уроками, вы с ними о чём-нибудь говорили?

Она, сморщив лоб, пожимает плечами.

– Разве это было сегодня?

– Да.

– Какой длинный день.

– Вергилия, пожалуйста, постарайся вспомнить. Они сидели рядом со мной, я ушёл, ты осталась, ты писала что-то в блокнотике.

– Мой новый день

Дождлив и монотонен...

Ты заболел,

Но болен ты не мною...

– Вергилия! – взмолился я.

– Да, я им сказала, что зря они к тебе пристают.

Я похолодел, предчувствуя катастрофу.

– Почему зря?

– Потому что ты тайный сын директора, – прошептала

Вергилия.

– Нашего директора?

– Какого ж ещё? Но я взяла с них обещание, что они никому не скажут.

– Ты думаешь, Клещики держат обещания? – спросил я совсем упавшим голосом. – Но как, почему они тебе поверили?

– Ты ведь Андреевич? А директор Андрей Александрович. А ещё у вас с ним родимое пятно на шее.

– Какое родимое пятно?

– Сзади, на шее.

– Нет у меня никакого пятна!

– Есть.

– Откуда ты знаешь?

– Поэты очень наблюдательны.

– Вергилия, что ж теперь делать?

Я опустил на пол и схватился за голову.

– А что плохого-то?

– Что будет, когда директор узнает, что кто-то выдаёт себя за его сына?

В тот же момент я представил себе эту сцену в красках, и холодный пот прошиб меня со лба до подколенок. И судя по бледному лицу Вергилии, она тоже представила.

– Я сейчас же скажу им, что всё придумала, – сказала она слабым голосом.

– Я сам скажу.

И, глядя себе под ноги, чтоб не встретиться с очередной многозначительной улыбкой, я отправился на английский. Я

не говорил, что Клещики тоже в моей группе и над моими ляпами всегда хохотали громче всех. Сами же они проводили лето у бабушки в Америке, шпарили на английском не хуже Стрекозы и слыли её единственными любимчиками.

Глядя строго под ноги, я два раза пропустил свой этаж, но краем глаза заметил в коридоре встревоженных Марусю и Вергилию. Вошёл в класс со звонком и прямым к Клещикам.

– Я не сын директора, – прошептал я, чеканя каждое слово.

Клещики переглянулись.

– Take your seats, please,¹² – услышал я за спиной, но не двинулся.

Клещики молча хлопали глазами.

– Понятно? – решил удостовериться я.

– Mr Koulikov, take your seat please.¹³

От неслыханного «Мистер-Куликова» холодок снова пробежал по спине: «Только не это!»

И я обречённо повиновался.

Объясняя новую тему, Стрекоза то и дело обращалась ко мне с вопросом:

– Is it clear for you? I can repeat if you'd like.¹⁴

Я солидно кивал, чувствуя себя не то что сыном директо-

¹² Займите свои места, пожалуйста (англ.)

¹³ Мистер Куликов, займите своё место, пожалуйста (англ.)

¹⁴ Вам это понятно? Я могу повторить, если хотите (англ.)

ра, а почти директором.

И тут в дверь постучали, и из-за неё показалась голова моего тайного отца.

– Экскюзэ муа, сіль ву пле.¹⁵

Глаза Стрекозы расширились настолько, что директор спешно пустился в объяснения:

– У меня компьютер накрылся, пришлось вызвать мастера, а я не знал, куда податься, чтоб над душой не стоять, у вас аудитория большая, я не помешаю.

Стрекоза кивнула, а директор, проходя мимо, зачем-то потрепал меня по голове. Уселся за последнюю парту и тут же разложил свои бумаги. С минуту он шелестел этими бумагами в полной тишине.

– Бьян, – наконец произнесла Стрекоза. – Уврэ во манюэль¹⁶.

Маруся, которая в этом году начала изучать французский, открыла учебник, и мы последовали её примеру.

– Паж суассант диз нёф.¹⁷

Пажей-суассанов, Маруся, видимо, ещё не проходила, поэтому никто не шелохнулся.

– Could you repeat, please?¹⁸ – попросила Маруся.

Стрекоза замерла на секунду, и этой секунды хватило для

¹⁵ Прошу прощения (фр. Excusez-moi s'il vous plaît)

¹⁶ Хорошо, откройте ваши учебники (фр. Bien. Ouvrez vos manuels)

¹⁷ Страница 79 (фр. Page soixante-dix-neuf)

¹⁸ Не могли бы вы повторить, пожалуйста? (англ.)

перезагрузки с французского обратно на английский.

– Yes of course. Open your books at page 79. Dear Mr Koulikov, would you please come and read a sentence for us?¹⁹

«Маруся всё-таки гениальна! – успел восхититься я по дороге к доске. – Но почему вдруг страница 79? Мы же сейчас на 25-й. И зачем меня вызывать?»

«Dear Mr Koulikov» заставил директора оторваться от рабочего процесса и уставиться на меня с нескрываемым интересом.

Стрекоза тем временем глянула в учебник и побледнела: очевидно, поняла, что это предложение мне в жизни не прочесть и сейчас случится наш общий позор.

– Sooo,²⁰ – протянула она и глотнула воздух. – Думаю, стоит сначала повторить множественное число существительных. Итак, я называю объект в единственном числе, вы пишете во множественном. Vox²¹, – начала она не без трепета в голосе.

А я не подвёл.

«Voxes» появились на доске.

Стрекоза выдохнула.

– Very good! Table.²²

¹⁹ Да, конечно. Откройте ваши учебники на странице 79. Дорогой господин Куликов, не могли бы вы выйти к доске и прочесть для нас предложение? (англ.)

²⁰ Тааак (англ.)

²¹ Коробка (англ.)

²² Очень хорошо. Стол (англ.)

– Tables.

– Great! – воодушевилась учительница. – Child!²³

– Children.

– Brilliant!²⁴

Ко мне успела закрасться мысль, что, может, я поспешил с саморазоблачением и неплохо было бы ещё какое-то время оставаться тайным сыном директора, но тут прозвучало азартное...

– Fish!²⁵

– Fishes.

Как ещё-то? Больше никак.

Судя по тому, что лицо Стрекозы приобрело цвет мела, которым я выводил несчастных фишес, версия была неверна. «Ну и что страшного? – хотелось спросить мне. – Разве тайный сын директора не имеет права на ошибку? Пусть и в материале второго класса». Но вслед за мной ошибку совершила Стрекоза, только гораздо более серьёзную.

– Superb!²⁶ – выпалила она, метнулась к доске и быстро стёрла весь мой бриллиантовый диктант.

Недовольный шепоток пробежал по рядам. Я не оборачивался к директору, но спиной чувствовал надвигавшуюся бурю, спасения от которой уже не было.

²³ Великолепно! Ребёнок! (англ.)

²⁴ Блестяще! (англ.)

²⁵ Рыба (англ.)

²⁶ Грандиозно! (англ.)

– Я не понял, что здесь происходит? – послышался его голос. – Миссис Козина?

Миссис Козина лишь развела руками.

– Ведь Куликов ошибся, не так ли? – директор поднялся.

– Да, – признала Стрекоза. – Так бывает. He must be very nervous.²⁷ Когда на уроке родители...

– Какие родители? – перебил её директор.

Последовавшей за этим тишины, неумолимой и нескончаемой, мне уже никогда не забыть. В воздухе повисло такое напряжение, что, казалось, очки Стрекозы треснут, а Марусины косички вытянутся перпендикулярно голове.

– Миссис Козина, о каких родителях речь? – повторил директор таким тоном, что на месте Стрекозы я бы уже давно валялся в глубоком обмороке. Но не такова Стрекоза – мне даже показалось, что она в любой момент могла перейти из обороны в наступление.

И Стрекоза уверенно показала на директора.

– Это я родитель? – рассмеялся он. – Чей же?

– You shouldn't feel ashamed of the boy, – произнесла она снисходительно. – He is not that bad after all...²⁸

К счастью, смысла я тогда не понял. Директор, кажется, тоже.

– Чей я родитель? – повторил свой вопрос директор.

Я видел и, наверное, не только я, что он сдерживается из

²⁷ Он, должно быть, очень волнуется (англ.)

²⁸ Вы не должны стыдиться ребёнка. Он не так уж плох, в конце концов (англ.)

последних сил.

Стрекоза вздохнула и показала на меня.

Судя по тому, что он только слегка поднял брови, слухи всё-таки добрались до него раньше и в нашем классе он оказался не по случайному стечению обстоятельств.

– Кто же вам поведал эту страшную тайну?

Взгляд Стрекозы медленно поскользился в сторону Клещиков. Я и не представлял себе, что грозные братцы могут принять столь жалкий вид. У Веньки задрожала нижняя губа, а Сенька начал часто моргать. Они вжались в стулья, медленно сползая вниз. Невыносимое зрелище. Но ведь они сейчас всё свалят на Вергилию, а она не станет отрицать... Даже удивительно, как столько соображений успело пронестись в моей голове за пару секунд.

– Это я виноват! – крикнул я. Вышло как-то горделиво, с вызовом, я так не хотел, но язык слушался меня с трудом.

– Поясните, мистер Куликов, – сдержанно попросил директор. Глаза его начинали стекленеть.

– Я рассказал одноклассникам, что я ваш тайный сын, – сказал я, уже с бóльшим сокрушением.

– С какой целью, позвольте узнать?

– Чтобы они меня уважали.

– И что, помогло?

Я кивнул.

Прозвенел звонок. Но никто не двинулся с места.

– А теперь? Теперь за что вас будут уважать? – голос ди-

ректора тоже стекленел, и я невольно попятился к доске.

«Да уж какая разница, если меня здесь больше не будет», – подумал я.

– За находчивость! – вдруг высказался Венька Клещ.

– За оригинальность! – поддержал Сенька Клещ.

– За смелость, – тихо сказала Маруся.

На сей раз директор поднял брови гораздо выше, отчего стеклянный взгляд мгновенно улетучился. Затем сложил бумаги и направился к выходу.

– Что ж, надеюсь, эта история послужит нам всем, – и он задержал взгляд на Стрекозе, – хорошим уроком. Бай-бай.

В тот день меня встречал папа. Скорее всего, он испугался, что мама потеряет над собой контроль и растерзает Клещиков, если они ей попадутся. И я чуть не бросился его обнять: хотя сыном директора я побыл меньше часа и хотя директор наверняка не худший вариант, с каким облегчением я вернулся в родную семью!

– Ну как, всё в порядке? – спросил папа.

– Всё отлично, – заверил я.

Нас увидел направлявшийся было в столовую Бочка. Подошёл и пожал папе руку.

– Ваш сын просто гений футбола. Считаю, ещё не поздно задуматься о профессиональной карьере.

Сказал и сам понял: что-то не то. Либо *ваш* сын, либо гений. Нахмурился, несколько раз перевёл взгляд с папы на

меня и молча ушёл.

– Он нас с кем-то перепутал? – удивился папа.

– Похоже на то, – согласился я.

Новенький

В начале второго полугодия четвёртого класса Наталья Сергеевна представила нам новенького – Матвея Белова. Помню как сейчас: у доски стоит высокий парень, худой, но не кишка, в очках и костюме. Держится так уверенно, как будто Наталья Сергеевна представляет нового учителя, а не ученика.

Я вижу, что по вине задержавшейся на каникулах Таньки Маруся сидит одна, и у меня начинает сосать под ложечкой. А вот Наталья Сергеевна уже сажает его на это место, он кивает Марусе, она улыбается в ответ, и я понимаю, что жизнь моя кончена. И уже ничего не исправить.

Из учебного процесса в тот день я выпал полностью. Наталья Сергеевна постоянно делала мне замечания и даже вызвала к доске, где я с треском проиграл очередную битву с математикой.

Мама, конечно, заметила, что со мной что-то не так. Я стойко выдержал несколько допросов и столько же лекций на тему того, как важно делиться с родителями своими переживаниями. Но за ужином я расслабился, мама зашла издалека, поинтересовалась, что новенького. Я как ни в чём не

бывало рассказал про Матвея. Мама уточнила, куда его посадили. Спросила о моём впечатлении и, конечно, всё поняла. Но что она могла сделать? Вот именно, ни-че-го. Только на следующее утро сама предложила уложить мне гелем чёлку и разрешила надеть мою крутую, лёгкую куртку, несмотря на похолодание. Но что могли изменить чёлка или куртка? Вот именно, ни-че-го.

С тех пор каждый день сопровождался катастрофой: то Матвей на физре займёт первое место по челночному бегу, то решит задачу, которую не решила Маруся, то поможет Наталье Сергеевне принести стулья. Где-то в тот период мы и играли в мафию, которую мне недавно припомнил Никита. Я так любил эту игру, а тогда получалось сплошное расстройство: сначала Маруся с Матвеем оказались оба в числе мафиози и первым делом поздравили меня (это Наталья Сергеевна придумала говорить «поздравить» вместо «убить» и соглашалась играть с нами только на таких условиях). В другом раунде я вычислил мафиози-Матвея, но мне никто не поверил, включая Марусю, и мафия выиграла. Мне самому выпало быть мафиози всего разок. Я, естественно, убедил коллег поздравить Матвея, сразу после чего меня и вышибли. Кажется, Никита действительно пытался меня защитить, за что поплатился на следующем круге. А моя память заботливо припрятала весь этот кошмар поглубже.

Спустя месяц, отчаявшись вытащить друга из депрессии собственными силами, Никитка потащил меня на консуль-

тацию к своему брату. А Коля Жариков никогда не прочь выступить в роли наставника.

– Надо найти его слабое место, – сказал он спокойно, чавкая жвачкой.

Мы хором хмыкнули.

– Да какое слабое место! Куда ни ткни – одни сильные.

– А как у него с чувством юмора?

– В порядке.

– Может, труслив?

– Не похоже.

– Не жадничает?

Я готов был заплакать, вспоминая, как Матвей предлагал списать у него задачку по математике. А ещё у него крутое имя, крутые кроссовки, крутой рюкзак...

– А чего это он вообще посреди года перевёлся? Какое-то тёмное прошлое? – сощурился Коля.

– Они переехали из другого района, – вздохнули мы с Никитой.

– Дело сложное, – заключил Коля. – Но не безвыходное.

В этот момент безвыходность дела стала для меня очевидна, как никогда.

– Нет, – махнул я рукой. – Хватит, всё кончено, это ж совершенно ясно. Ну и что? У меня дядя живёт один и ничего – жив-здоров.

– Слушай, а давай зайдём с другого конца, – предложил Коля. – Что ты нашёл в этой Марусе? Ты приглядишься – вооб-

ще ничего особенного.

Это уже было слишком, я развернулся и пошёл прочь.

Коля с Никитой меня догнали.

– Ладно, Ромео, дарю своё фирменное ноу-хау. – Коля сделал паузу, чтобы я успел исполниться благодарности. – Латынь! Всего 129 выражений. Мне лично хватило одной ночи. А эффект сам увидишь. Я тебе завтра принесу.

Коля сдержал обещание. И, отозвав меня подальше от класса, вручил кипу измятых листов.

«Раз Коля смог, то и я смогу», – решил я. И припас себе к ночи фонарик.

Как же мне хотелось спать, я даже не представлял, что у сна такая силища! Уже давно перестала звенеть на кухне посуда, уже давно погас свет под всеми дверьми, и только негромкий прабабушкин храп сопровождал мои занятия латынью. Мне казалось, что я не выучу ни одного выражения, но упрямо перечитывал их снова и снова.

Утром мама будила меня долго.

– Ты не заболел? – испугалась она, когда я наконец продрал глаза.

Я пожал плечами. И тут же почувствовал, что латинские афоризмы столпились в моей голове и толкаются, как в переполненном автобусе. Надо идти в школу, иначе автобус развалится.

За завтраком аппетита не было, и мама наблюдала за мной

с тревогой.

– Повзрослел ты, что ли, – и она снова потрогала мне лоб.

– Нон сум квалис эрам, – выдал я.

– Что? – ещё больше взволновалась мама.

– Я уж не таков, каким был прежде. Гораций.

Одним пассажиром меньше, но от этого свободней не стало. Надо срочно везти их в школу.

Зайдя в класс, я только молча кивал в знак приветствия.

А вот и Маруся. И Матвей тут как тут. Ох, что-то будет.

– Ну как? – спросил Никитка, когда прозвенел звонок.

Я снова молча кивнул.

Наталья Сергеевна тем временем продиктовала задачку и пригласила желающих к доске. Руки подняли Матвей и я. Наталья Сергеевна, конечно, вызвала меня.

– Мэмэнто мори,²⁹ – сказал я Никитке, вставая из-за парты.

– Итак, – повторила Наталья Сергеевна. – Из посёлка в город выехал мотоциклист со скоростью 60 км/ч. В то же время ему навстречу выехал велосипедист со скоростью 15 км/ч. Они встретились через 2 часа. Какое расстояние от города до посёлка? Костя, запишем условия.

– Фациле дикту, диффициле факту,³⁰ – отозвался я почти про себя.

Наталья Сергеевна склонила голову набок – наверное, по-

²⁹ Помни о смерти (лат.)

³⁰ Легко сказать, трудно сделать (лат.)

думала, что ослышалась.

Я стоял с мелом в руке и смотрел на неё.

– Костя, ты готов?

– Ин омниа паратус. Готов ко всему.

– Ты увлѣкся латынью?

Я кивнул.

– Это похвально, но сейчас у нас урок математики. Ты же знаешь, как вычисляется расстояние, если известны скорость и время пути.

– Сцио мэ нигиль сцирэ.

– Что?

– Знаю, что ничего не знаю.

– Давай попробуем вспомнить. Пиши.

Теперь я в оцепенении смотрел на доску. Увы, в голове было по-прежнему слишком тесно, чтобы туда могли залезть велосипедист с мотоциклистом.

Я повернулся к Марусе в надежде застать в её глазах хоть намѣк на то восхищение, которым вознаграждались латинские перлы в исполнении Коли. А вместо этого увидел, как они с Матвеем переглянулись, снисходительно улыбаясь: вроде «что с этого чудика взять». Что я испытал в тот момент – врагу не пожелаешь.

– Садись, Куликов, – вздохнула Наталья Сергеевна.

– Цэзарэм дэцэт стантэм мори,³¹ – сказал я спокойно.

– Не надо мори, – улыбнулась Наталья Сергеевна, – ещё

³¹ Цезарю подобает умереть стоя (лат.)

повоюем.

И все тихонько засмеялись, а я пошёл на место.

– Что-то ты перестарался, – подвёл итог Никита.

– Эррарэ гуманум эст,³² – ответил я.

И мы тоже вздохнули.

На перемене Никитка снова потащил меня к Коле.

– Что ж, – сказал Коля, выслушав рассказ о моём латинском провале. – И это ещё не конец. У нас в запасе пушкинский метод.

Я вообразил, как буду на математике декламировать стихи собственного сочинения, а Наталья Сергеевна спросит: «Костя, ты увлёкся поэзией?», и замотал головой.

– Уже забыл Сократа? – попенял мне Коля. – Воленс факультатис ноленс дификультатис!³³

Возражать Сократу я не стал.

– Так вот, – продолжил Коля. – Пушкинский метод: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей».

– Какую женщину? – не понял я.

– Любую!

– И что я должен делать? – по-прежнему не понимал я.

– Не обращать на неё внимания. Вообще. Пусть этот, Савелий, суетится, а тебе по барабану.

У меня сразу закрались сомнения в эффективности дан-

³² Человеку свойственно ошибаться (лат.)

³³ Кто хочет – ищет возможность, кто не хочет – ищет причину (на лат. Volens facultates, nolens difficultates quaerit)

ного метода, но он понравился мне тем, что не надо ничего учить и сочинять.

– А ещё лучше, – Коля положил мне руку на плечо, – приударить за другой!

– Что значит – приударить?

– Вот детский сад! – покачал головой Коля. – Изобрази, что тебе нравится другая... Вот, например, эта ваша поэтесса!

Никитка рассмеялся.

– Зачем? – спросил я.

– Так надо, поверь.

Я никогда не прочь поверить во что угодно. Но изображать любовь к Вергилии – это нечто за гранью разумного.

– Потом «спасибо» не забудь сказать, – подмигнул мне Коля и поспешил на физику.

– Ну что, будешь изображать? – спросил Никита.

– Нет, конечно. Причём тут Маруся?

– А мне кажется, в этом что-то есть.

Мы вернулись в класс. Неожиданно для себя я прошёл на своё место, даже не взглянув в Марусину сторону. На русском я почувствовал, что латинизмы куда-то упаковались и в голове наступило просветление. Я снова вызвался к доске, с лёгкостью выполнил синтаксический разбор предложения и снова даже мельком не взглянул на Марусю. Наталья Сергеевна меня хвалила, а я скромно улыбался, прямо как Матвей.

На перемене Никитка потянул меня к Вергилии. Она, как всегда, стояла у окна.

– Сочиняешь? – поинтересовался я.

Вергилия, увидев нас с Никиткой, смущённо улыбнулась. И я отметил про себя, что с такой улыбкой она становится вполне нормальной девочкой.

– Почитаешь?

– Пока ещё сыро, – ответила Вергилия.

На улице и правда шёл дождь.

– Да нет, стихотворение ещё сырое, – объяснила Вергилия, заметив наше недоумение, и, отвернувшись, тихо прощла: – В мою ты сторону не смотришь, и взгляд мой ты уже не ловишь, а я смотрю весь день в окно – окну ведь тоже всё равно.

– Здорово, – похвалил я.

– Я бы так не смог, – добавил Никита.

Вергилия прямо засветилась от наших комплиментов.

В этот момент в класс вошла Маруся, и я, поймав её короткий взгляд, подумал, что, пожалуй, в пушкинском методе и правда что-то есть. Далее я пару раз заметил, что она рассеянно слушает Матвея и не смеётся над его шутками. Но, вдохновлённый этим успехом, я снова переборщил – поддался уговорам Никитки и предложил Вергилии проводить её до дома (она живёт совсем рядом со школой).

– Один? – почему-то спросила она.

– Один.

Она неопределённо пожала плечами, и мы пошли.

Я навсегда запомнил этот февральский день. Было тепло, и сыпал мокрый снег. Я рассеянно пересказывал последний матч Лиги чемпионов, вычисляя, могла ли Маруся видеть, как мы уходили. Вроде она задержалась в классе, а окно выходит на другую сторону... Я очень надеялся, что не видела. Но всё равно чувствовал себя погано: нет, Колины методы однозначно не для меня, следовало догадаться уже после латыни.

Вергилия вдруг остановилась.

– Куликов, зачем ты тут?

– В каком смысле? – кажется, я покраснел.

– Это из-за Маруси?

Теперь я уже точно покраснел.

– Да нет, с чего ты взяла?

– А Никита?

– Что Никита?

– За компанию?

– Какую компанию?

Я и правда потерял логическую нить, но Вергилия набралась смелости и на одном дыхании выдала:

– Давай я помогу тебе с Марусей, а ты мне – с Никитой?

Я сделал большие глаза: вот это поворот!

– Я люблю его с первого класса, – продолжала она. – Уже целый сборник ему посвятила. Хочешь прочту?

– Давай, – согласился я, чтобы выиграть передышку.

Вергилия сделала печальное лицо и прочла:

Научилась я плакать стихами,
Так что слёз ты моих не увидишь.
Я не гордая – вдруг как-то сами
Потекли на бумагу неслышно.
Научилась я плакать стихами,
Так что слёз ты моих не увидишь.
До чего же вместительной тарой
Может стать пара четверостиший.

– Это ты написала? Сама? – искренне удивился я.

Она кивнула.

– Очень красиво, – похвалил я.

– Несчастливая любовь – хорошее подспорье для поэта, – улыbnулась Вергилия, и в её глазах снова появилась надежда. – Ты столько раз меня выручал...

– Вергилия, я не смогу помочь. Я не представляю, как.

– Давай так: я завтра надену красную юбку, сделаю высокую причёску, а ты скажешь: посмотри, Никит, какая Вергилия сегодня красивая.

Я покачал головой.

– Я бы никогда такого не сказал.

Она вспыхнула.

– Ну, не про тебя, – поспешил объяснить я. – А вообще ни про кого. Мы так никогда не говорим, понимаешь?

– Понимаю. А ты не знаешь, он кого-нибудь любит? – дрожащим голосом спросила она.

– Насколько я в курсе, только маму и папу и, в глубине души, Колю.

– Значит, ещё не созрел, – заключила Вергилия.

– Да, – подтвердил я. – именно.

– Ладно, три года ждала и ещё подожду.

Я кивнул.

– Ну пока.

Она забрала у меня свой рюкзак и пошла к дому. А я побрёл обратно.

– Куликов, стой! Я ж забыла самое главное!

Вергилия догнала меня.

– Зря ты всё это затеял. Маруся любит тебя одного, Матвей ей безразличен, и надо быть совершенно слепым, чтобы этого не видеть.

И она убежала.

Я стоял огорошенный. Снег разошёлся, и мне захотелось его обнять. Рядом проехала машина, обдав меня грязной жижей. Я зачем-то помахал ей вслед. Машина притормозила, водитель вылез и виновато развёл руками. Пришлось сдержаться, чтоб и его не обнять. Я побежал скорей домой – маме ничего не рассказал, но она и так поняла.

А красную юбку Никитка сам заметил и даже присвистнул.

– Ты видел это чудо-юдо? – шепнул он мне.

– Красиво и смело, – ответил я тоном знатока.

– О-о, – многозначительно протянул Никитка. – Допро-
вожался...

Я лишь махнул рукой – что с недозрелого взять.

Выпускной

В мае четвёртого года обучения я всё чаще заставлял маму вздыхающей над телефоном. Она регулярно жаловалась папе на изобретательность родительского комитета.

– И это только четвёртый класс! Что же будет в одинна-
дцатом! Кругосветное путешествие?

– А какие варианты-то? – поинтересовался я.

– Да какая разница, – отмахнулась мама. – Знаешь, как тут всё происходит? Предлагают отправиться в прогулку на пароходе. Первые пятнадцать сообщений «Мы за!» «Классная идея!» Шестнадцатое: «Моего ребёнка не укачивает только на байдарке». Тут же свежая идея – квест с пикником в парке – набирает двадцать «за». Двадцать первое сообщение от Анны Клещ: «Ребята говорят, что устали от заданий». Светлана Жарикова: «Никита тоже». Сейчас обсуждаем батутный центр, уже десять «за», сейчас кто-то должен заявить о боязни высоты.

– Да, – подтвердил я. – Вергилия боится высоты, её даже от каната на физре освободили.

В общем, выпускной приближался, идеи сыпались как из рога изобилия, а определённости не прибавлялось. И вскоре

пришла моя очередь вздохнуть.

Дело в том, что в школе после Нового года открылась балетная студия. И вела её бывшая балерина. Она ярко красила глаза, убирала волосы в тугий пучок на макушке, а спину держала ровно-ровно, будто кол проглотила. Судя по всему, её увлечение сценой с годами только росло. Она была готова заниматься танцами круглые сутки. И вот она подговорила Наталью Сергеевну устроить нам бал. Обучить вальсу за несколько репетиций. Наталья Сергеевна с радостью согласилась, и восторгу девочек не было границ. Чего не скажешь о мальчиках. На первой же репетиции стало очевидно, как трудно будет добиться от нас чего-то похожего на вальс. А кроме вальса она ещё решила поставить красивый выход. А для красивого выхода тоже требовалось разучить несколько па.

– Девочки, батман тандю, ронд де жамб партер,³⁴ – командовала балерина с невероятным воодушевлением, – мальчики, поклон.

Клещики просто валились со смеху, а смеялись они довольно заразительно.

– Ты что, разве ж это тандю? – кричал Сенька брату.

– Это фондю! – отвечал Венька.

– Препарасьон! – повышала голос балерина.

– Расколбасьон! – не унимался Сенька.

Да, я не сказал, что по парам она распределила нас сама.

³⁴ Движения ногой в классическом танце.

В результате Маруся оказалась в паре с Матвеем, я с рыжей Танькой, а Никита с Вергилией. Я был уверен, что Вергилия, которая давно занимается танцами и потому быстро нашла общий язык с балериной, приложила к этому руку. И сейчас на её лице было столько же воодушевления, сколько страдания – на Никитином.

Когда мы с горем пополам рассредоточились по залу, балерина включила вальс и, взяв себе в напарники Матвея, показала, что надо делать. У него всё получилось с первого раза. Девочки постарались повторить, а мальчики перебирали ногами как придётся. Бедный Никита не сводил с меня глаз, будто я один мог спасти его от страшного приговора, но я лишь ободряюще улыбался.

– Центр-баланс, – твердила свои заклинания балерина. – Скользим подушечками.

И с этими словами Клещики снова хватались за животики. Я три раза наступил Таньке на ногу и боюсь, что не подушечкой. А когда Венька Клещ влетел в меня спиной, то мы вообще чуть не завалились. Тем временем Сенька с партнёршей, срезав круг, шли на опасное сближение с Никиткой и Вергилией.

К счастью, балерина выключила музыку. Она была расстроена, но по-прежнему полна решимости.

После этой репетиции состоялась большая разборка в родительском чате: мамы мальчиков против мам девочек. Я то-

же заявил маме, что категорически против бала, и она приняла в них активное участие, приведя целый ряд веских аргументов. Даже папа Никиты вступил в этот чат, чтобы высказать всё, что он думает о балах, балеринах, девочках и их мамах. По крайней мере мама так сказала, мне она прочесть не разрешила.

И вдруг, когда казалось, что победа в кармане, мама Вергилии сделала ход конём, пообещав, что девочки сыграют с нами в футбол, если мальчики согласятся на бал. (Значит, во время разборки они успели образовать отдельный женский чат и там выработать единую позицию.) Это предложение внесло раскол в ряды мам мальчиков.

Мама, естественно, спросила моё мнение. Это было непростое решение. С одной стороны, совершенно идиотский бал, где Маруся будет танцевать с Матвеем, с другой – футбол всем классом дорогого стоил.

– Согласен, – сказал я.

– Как скажешь, – пожала плечами мама.

Конечно, ей было неловко покидать лагерь антибальщиков после того, как она фактически его возглавила.

Её уход предрешил финал. Папа Никиты больше не высказывался. Видимо, разбил телефон – Никита рассказывал, что такое уже случалось.

Что ж, балу и футболу быть.

Никитка на следующее утро был мрачнее тучи.

– Предатель, – пробурчал он, когда я сел за парту.

До урока ещё оставалось время, и я сказал:

– Пойдём выйдем.

И мы вышли.

– Ну чего ты? – сказал я виновато. – Весь бал на пять минут – выйти, потолкаться и на футбол.

– Тебе легко говорить – ты-то танцуешь с Танькой, а я?

– И что радостного танцевать с Танькой? Вергилия танцует в сто раз лучше!

Никита застонал.

– Не хочууу!

– Ну, давай поменяемся, – предложил я и тут же прикусил язык: танцевать с Вергилией, может, и лучше, чем с Танькой, но она мне этого не простит.

– Ты правда готов поменяться? – взгляд Никиты исполнился надежды и благодарности.

– Я-то готов, – промямлил я, – а вот...

– Эх ты, трепло! – махнул рукой Никита. – Мне папа освобождение выбьет.

И ушёл. На уроке мы не разговаривали, и я придумывал, с какого конца зайти, чтоб исправить дело. Ведь если Никитка не будет ни танцевать, ни играть, весь выпускной насмарку. А если он не будет танцевать с Вергилией, она ужасно расстроится. Надо его уговорить, но как? Я вспомнил, что у мамы самыми убедительными получаются аргументы из серии «представь себя на его месте». Но до конца я свою линию не

продумал – Наталья Сергеевна отвлекала.

Как только прозвенел звонок, я снова сказал Никите очень серьезно:

– Пойдём выйдем.

Никита недовольно вздохнул, но последовал за мной.

– Послушай, – я неожиданно перешёл в наступление. – Вот представь себя на её месте.

– Чьём? Балерины? – не понял Никита.

– Нет, на Вергилином.

– В каком смысле?

– Ну вот ты о чём-то мечтаешь... Сыграть в футбольной сборной школы...

– Я и мечтаю.

– А тебя не берут...

– Меня и не берут.

– Обидно же? – обрадовался я.

– Нет, – спокойно ответил Никита.

– Ну хорошо. Представь, что с тобой никто не хочет танцевать. Вообще никто.

– И?

– Не обидно?

– Ни капельки.

– Ну, хорошо.

– Да что ты заладил «хорошо» да «хорошо»? – начал раздражаться Никита.

– Хорошо, последнее, – я сделал паузу. – Представь, что

ты влюблён.

– В кого-о? – закатил глаза Никита.

– Да хоть в Таньку.

– Не могу представить.

– А ты напруги воображение.

– Не хочу.

– Хорошо, ты влюблён в самую прекрасную девочку...

– Кто это? – заинтересовался Никита.

– Не важно. Ты влюблён, приглашаешь её на день рождения, а она отказывается. Без уважительной причины. Просто потому, что... ты дочь поэта.

Никита округлил глаза.

– То есть сын поэтессы, – поправился я.

– Какой поэтессы?

– Не важно, какой. Важно – что ты весь такой творческий, ну, такой...

– А-а, – понимающе протянул Никита, – с приветом.

– Ну, вроде того.

– И что?

– Вот представь свою реакцию.

– Ну, я бы, наверное, расстроился, – наконец сделал усилие Никита.

– Во-от! – вскричал я торжествующе.

– Что «во-от»? Причём тут Вергилия?

Тщетно пытался я ухватить нить своей мастерской аналогии...

– В общем, – вздохнул я, – она мечтает об этом бале. Возможно, давным-давно мечтает. На танцы ходит. А теперь никто не хочет с ней танцевать, понимаешь?

– Так и танцуй сам, раз такой жалостливый.

– Я б станцевал, – заверил я, – но хочу с Марусей, – вырвалось у меня вдруг, и очень хорошо, что вырвалось, потому что иначе все мои пламенные речи снова оказались бы пустой болтовнёй.

– Ладно, – вздохнул Никита. – Станцую. Но потом я наваляю тебе голов.

– По рукам.

И мы отправились на русский. И весь русский я придумывал, как повернуть рокировку с Матвеем. Поговорить с ним по-мужски? Поговорить с Марусей? С Вергилией? Да, самое верное – с Вергилией. У неё явно есть контакт с балериной. А если не согласится, то придётся рассказать, что Никита добился бы освобождения от бала, если бы не я.

После русского я направился к Вергилии. По дороге смотрю – Маруся склонилась над каким-то новым учебником по математике, у меня аж в глазах зарябило – столько там дробей на одной странице.

– Что это у тебя? – поинтересовался я.

Она лишь отмахнулась.

– На следующий год домашку делаешь? – сострил я.

– Типа того, – загадочно ответила Маруся.

И я поспешил за Вергилией.

– Мне надо с тобой поговорить, – сказал я тихо.

– И мне, – кивнула Вергилия.

– Хочешь танцевать с Марусей, да? – спросила она, когда мы остановились у окна.

– Ну конечно.

Мне нравилось, что с Вергилией можно было свободно говорить на эту тему.

– Я пыталась это устроить, но Анжелика Валерьевна считает, что хотя бы первая пара должна уметь танцевать. А Матвей занимался бальными танцами, она предлагала мне встать с ним в пару, но... ты сам понимаешь. Зато у меня идея – давай я научу тебя вальсу, и тогда она сможет поставить вас с Марусей первыми.

Я вздохнул, но делать было нечего.

– Зал будет свободен сегодня в четыре, – сообщила Вергилия.

– Буду, – сказал я обречённо.

– Может, и Никиту за компанию возьмёшь? – робко предложила Вергилия.

– Попробую, – пообещал я, ясно представляя реакцию друга.

– Ты сегодня точно куку, – заключил Никита, когда я объяснил, во что вляпался.

– А ты поставь себя на моё место, – начал было я, но он замахал на меня руками и убежал вниз по лестнице. А я по-

плёлся в столовую, чтобы подкрепиться перед уроком танцев. И, жуя еле тёплые, склизкие макароны, я принял до того несчастный вид, что сердце заглянувшего туда Никиты дрогнуло.

– Ладно, я схожу с тобой, но танцевать не буду, сделаю уроки.

– Спасибо, – сказал я с чувством. – Ты настоящий друг.

В актовъй зал мы поднимались со всей предосторожностью. Каково же было моё удивление, когда на пятом этаже нас встретили Вергилия со смущённой Марусей. Вергилия просто засияла, увидев, что я не один, и спешно закрыла за нами дверь на ключ.

Мы оказались вчетвером в огромном, залитом майским солнцем актовом зале. Такая гигантская мышеловка – места много, а деваться некуда. Одна лишь Вергилия чувствовала себя в своей тарелке.

– Кто первый? – спросила она нас с Никитой.

– Я не танцую, я буду домашку делать, – буркнул Никита и уселся на подоконник.

– А-а, хорошо. – Вергилия обернулась ко мне. – Тогда давай с тобой. Сначала вспомним выход.

Вергилия принялась объяснять мне эти несчастные батманы, и, в принципе, всё оказалось довольно просто. Вальс чуток посложнее, и я путался с ногами и шагами. Никита отложил домашку и принялся надо мной подшучивать, а Маруся – смеяться над его шутками. Сначала мне захотелось

обидеться, но, к счастью, я вовремя сообразил, что это будет глупо, и продолжил заниматься с серьёзным видом, отчего зрителям становилось всё смешнее.

– А сами-то? – обратился я к ним, кружась с Вергилией. – Покажите, на что вы способны! Слабó?

Никита соскочил с подоконника и с поклоном пригласил Марусю. Наверное, ему со стороны показалось, что всё элементарно.

– Раз, два, три, раз, два, три, – командовала Вергилия.

Но Никита никак не попадал в такт.

– Ладно, сдаюсь. Лучше сделаю математику.

Никита остановился, чтобы перевести дух, и эта секунда промедленья ему дорого обошлась.

– Так быстро сдаваться нельзя, – сказала Вергилия и, подойдя к нему, положила руку на плечо. Глаза Никиты наполнились ужасом.

Пришла моя очередь упражняться в остроумии, чтобы помочь Никите сгладить неловкость. Я боялся, что он просто убьёт меня за то, что я заманил его в эту ловушку.

Никита сосредоточился и сделал круг без ошибок.

– Всё, я готов, можно выпускать, – заявил он, красный как рак.

– Я тоже, – поспешил я. – Мы ещё вдвоём потренируемся.

Вергилия пожала плечами.

– Мы тут никого насильно не держим. Но ты с Марусей-то пройдишь разок.

– Хорошо, – я бросил на Никиту умоляющий взгляд. – Подожди меня, пожалуйста.

Никита надел на спину рюкзак для верности и остался.

Вергилия включила музыку, и на сей раз я как-то удачно подстроился, ни разу не запнулся.

– Так уже лучше, но ты пока сильно зажат, вы оба зажаты, – вынесла вердикт наша наставница. – Завтра на репетиции постарайтесь свободней.

Мы активно закивали. И Вергилия пошла открывать дверь.

– Спасибо! – сказал я напоследок. – Большое.

– Не за что.

На следующий день Матвей не смог прийти на репетицию – у него было выступление в музыкальной школе. Вергилию с Никитой поставили первой парой, нас с Марусей – второй, а Таньку – с Сенькой, она вроде не сильно расстроилась.

Мы с Никитой чувствовали себя настоящими профи и даже местами вошли во вкус. Балерина нас похвалила. Но тоже не преминула указать на нашу скованность. Маруся вообще была какая-то рассеянная, часто поглядывала на часы и ушла с репетиции раньше времени. «Наверное, в музыкалке экзамены», – предположил я.

Когда через день Матвей пришёл на последнюю репетицию, Анжелика Валерьевна предложила ему танцевать с ней, и он не смог отказаться.

В общем, на выпускной вместо батутных центров, ска-

лодromов, паромов решено было устроить бал, футбол и школьное чаепитие с играми.

И вот, проверочные позади, оценки вполне достойные, настал лучший день в году. Потому что нет ничего лучше, чем прийти в школу, когда не надо учиться. Наталья Сергеевна собрала у нас учебники, поблагодарила за хорошую учёбу, вручила грамоты двум отличникам – Марусе и Матвею. Мы бурно аплодировали. Потом мальчики вышли из класса, чтобы девочки переоделись в бальные платья. Впустили обратно через полчаса. Я даже не сразу всех узнал. Они, оказывается, ещё и причёски смастерили. Особенно меня поразила Вергилия – на ней было какое-то невероятное розовое платье, всё в кружевах, с длинным шлейфом, который она придерживала за специальную петельку, а на голове – высокая причёска. Я заметил, как Никита разинул рот, увидев её. И не он один.

А вот Маруся смущалась, сутулилась и явно старалась не встретиться со мной взглядами. Она надела простое светло-серое платье, зато в распущенных волосах светился и переливался бриллиантовый обруч.

Я почувствовал, что надо её как-то подбодрить.

– Очень красивый обруч, – сказал я.

– Спасибо, – ответила она.

– Это диадема, – поправила оказавшаяся рядом Вергилия.

Девочки ушли, и мы тоже переоделись в костюмы, нам хватило пяти минут. Я совершенно забыл, что мама положи-

ла в рюкзак чёрные ботинки и надел те же светлые кеды, в которых пришёл. Мама, конечно, потом долго охала и всплёскивала руками, но в итоге это оказалось к лучшему.

Родители ждали в актовом зале – их рассадили вдоль стен.

Балерина в длинном красном платье с большим разрезом в районе правой ноги объявила начало бала и включила музыку. Батман карагандю, рондежам в партере... а вот уже и наше местечко на паркете. Я заглянул Марусе в глаза – она улыбнулась, но как-то грустновато, или мне показалось? Справились мы неплохо – она танцевала так же чётко и правильно, как делала вообще всё. Я попробовал не зажиматься по совету Вергилии, но быстро понял, что нужно выбрать одно из двух – либо правильно, либо раскованно, и выбрал первое. Из остальных танцующих я заметил только Вергилию – она будто летала, похожая на фею из сказки, и Никита не помешал её полёту. Действительно, пять минут и дело с концом. А какие страсти бушевали из-за этого вальса – страшно вспомнить.

Потом мы ещё спели несколько песен, а Наталья Сергеевна произнесла трогательную речь-напутствие, из-за которой половина мам прослезилась. Потом директор много шутил, потирая свои большие руки. И говорил, что с учениками нашего класса у него связаны незабываемые моменты. Потом вышли несколько мам и тоже говорили речи, и вручали учителям цветы и подарки.

Наконец раздались заключительные аплодисменты, и за-

скупавший Бочка крикнул:

– А теперь – айда в футбол!

– Ура-а! – И мы понеслись на выход.

Родители заволновались:

– Переодеться, надо переодеться!

– Не надо! – возразил Бочка. – Так веселее!

И мы побежали играть прямо в бальных нарядах. И играли минут сорок под дикий хохот Бочки и под прицелом десятков камер.

Сложнее всего было запомнить, кто в чьей команде, и не запутаться в чужом платье при близкой игре. Вергилия порхала по флангу, независимо от траектории мяча. Зато Маруся играла серьёзно, и мы провели с ней отличную комбинацию: ценой блестящей тужельки, от мыса которой при ударе пыром полетели искры, она сделала прострел вдоль Венькиных ворот, и я залепил точно в «девятку».

Сенька обругал Веньку, Венька – Сеньку. Конечно, Клещики, игроки школьной сборной, не могли допустить поражения, и Сенька начал фолить направо и налево. Бочка несколько раз хотел свистнуть, но свисток выпадал изо рта, и судья снова складывался пополам от смеха. И когда Никитке досталось от Сеньки по голени, только продолжение нашей атаки предотвратило стычку. Сенька злился не на шутку и в какой-то суматошный момент нарочно наступил на Вергилин шлейф. Раскатистый треск, и часть кружавчиков осталась лежать на поле. Вергилия подняла их, еле сдержи-

вая слёзы. Но Сенька побежал дальше, и этого никто, кроме меня, не заметил. Хотя нет, похоже, заметил Никита.

– Ты зачем платье порвал? – донеслось до меня.

– Я? – удивился Сенька. – Я не нарочно. Футбол же.

– Нарочно, я видел. Иди извинись.

– Ой-ой, – ещё больше удивился Сенька, – защитник нашёлся. Братишки рядом нет, тебя-то кто защитит?

Мы с Венькой уже были рядом.

– Сейчас покажу. – И Никита толкнул Сеньку в грудь.

Мы с Венькой переглянулись и, понимая, что времени у нас мало, тоже бросились мутузить друг друга. Девочки завизжали, мамы закричали, и Бочка растащил нас, как щенков. Все легко отделались, но Клещики весьма убедительно изображали побитых.

Теперь нужно было предотвратить родительскую потасовку.

– Это что такое? Вы что себе позволяете? – кричала Анна Клещ.

Мы с Никитой молчали.

– А зачем ваш сын порвал девочке платье? – спросила моя мама.

– У кого тут целые платья? Это не я придумала играть в футбол в платьях!

– Он нарочно порвал, – уверенно возразила мама, и по её голосу я понял, что эта партия будет за нами.

Сенька меж тем отчаянно мотал головой.

И тогда мама предъявила видео на телефоне. Я её потом спросил, зачем она снимала Клещика, – оказалось, она заметила, как он один раз уже пытался наступить на шлейф, но промахнулся, и ждала следующего покушения.

Так что все сомнения отпали.

– Правильно сделали, – обратилась к нам Анна Клещ. – Я ему ещё дома добавлю. А вам, – она обернулась к Вергилии, которую утешала мама-поэтесса, – компенсирую.

– Да я прищью, незаметно будет, – ответила Вергилия.

Глаза её светились счастьем. Подозреваю, что она отдала бы весь свой диковинный гардероб на растерзание, если бы знала, что Никита бросится её защищать.

Бочка наконец свистнул, провозгласил нас победителями и велел пожать друг другу руки, что мы и сделали.

Родители разошлись, и всем задышалось свободней. Взмокли мы страшно. Так что сменная одежда как раз пригодилась.

Попили чаю со сладостями, которых, как обычно, хватило бы на всю началку. Особой популярностью пользовались булочки с корицей, испечённые Вергилией. Это был однозначно её день. Про драку тут же забыли. Клещики, они такие, живучие и жизнерадостные – им всё как с гусей вода.

Потом мы уговорили Наталью Сергеевну сыграть в «мафию» – вот тогда я и вычислил Никиту. А затем Наталья Сергеевна предложила играть в шарады. Играли так: разделились на две команды, одна команда загадывала слово иг-

року противоположной команды, он при желании мог выбрать себе напарника, чтобы вместе это слово изобразить, а его команда должна была отгадать как можно быстрее. Наталья Сергеевна замеряла время секундомером и записывала результат на доске. Но на каждое слово выделялось не больше пяти минут.

Мы с Никиткой, Марусей и Вергилией оказались в одной команде, Клещики, как обычно, в противоположной. Шли очень ровно. И вот настала Вергилина очередь изображать.

Она, конечно, вызвала в напарники Никиту и прошептала ему что-то, отчего у Никиты вытянулось лицо. Потом она сделала ножкой так, будто наступает в холодную воду и, испугавшись, одёргивает. Никита неожиданно подхватил её на руки, и сделал широкий шаг через неизвестное препятствие. Клещики аж покатались со смеху.

– Спаситель, ручей, река, пропасть, – посыпались догадки, но Никита качал головой, показывая руками нечто компактное.

Вергилия велела ему повторить сценку.

– Помощь, содействие, страх, фобии, – выдавала свои варианты Маруся.

Наши секунды были на исходе.

Наконец Никита начал радостно топтать ногами по тому месту, куда Вергилия боялась наступить.

– Лужа! – успел крикнуть я в последнюю секунду, но наши соперники получили приличную фору.

Нужно было загадать что-нибудь посложнее.

– Брак, – предложила Маруся, и я отправился шептать это на ухо Веньке.

Конечно, они оставили братцев на конец, так как те понимали друг друга с полужнака.

Сначала Венька здорово изобразил, как он едет в машине, машина глохнет, он открывает капот, достаёт какую-то штуку, рассматривает и бросает в негодовании.

– Поломка, авария, двигатель, аккумулятор, радиатор, – уверенный в скором успехе, перебирал варианты Сенька. – Фильтр? Бачок? Обрыв ремня? – уже с сомнением продолжал он.

Венька махнул рукой и с недовольной миной вызвал в помощницы Таньку. Прошептал ей слово, и та взяла его под руку. Они чинно прошли к столу Натальи Сергеевны и по очереди начирикали что-то воображаемой ручкой.

– Свадьба, жених, ЗАГС, – обрадовались ребята.

Но они осеклись, когда Венька, обречённо покачав головой, вернулся за руль машины. Все растерялись.

– Свадебное путешествие?

– Развод?

– Жених сбежал?

– Жених опоздал?

Венька взглянул на свою команду так, что все примолкли. Дальше он изображал исключительно для брата, смотрел ему в глаза так, будто хотел телепатировать отгадку. Показал

опять злость на запчасть, а потом снова расписался на учительском столе.

– Бра-а-ак! – возопил Сенька.

Как и мы, на последней секунде. Но на все слова у них в сумме ушло всего на десять секунд больше, чем у нас, а значит если я не уложусь в это время, то мы проиграем.

Я был последним. Мы с Никиткой, хоть и не двойняшки, но за четыре года тоже почти сроднились.

– Любовь, – ехидно прошептал мне на ухо Венька Клещ.

Он, конечно, рассчитывал на моё смущение и вызванные этим проволочки. И заодно мстил за брак с Танькой.

Мне захотелось дать ему в нос, но Наталья Сергеевна нажала на секундомер.

Я вызвал Марусю и, не называя ей слово, чтоб не терять времени, опустил на одно колено, прижав руку к груди.

– Свадьба, предложение, жених, – перебивали друг друга наши ребята.

Я постучал себя по сердцу.

– Дама сердца, рыцарь, признание...

Я уже успел отчаяться, мыслительные процессы парализовало, и ничего нового придумать я не мог, лишь со всей силы ударил себя в грудь.

– Любовь! – крикнула Вергилия.

И мы победили. А Венька с Сенькой снова поругались.

Расставаться никому не хотелось, и поэтому во двор мы

вышли все вместе. Договорились с Никитой погостить друг у друга на даче, тепло попрощались с Вергилией, ну и как-то очутились рядом с Марусей. Она выглядела непривычно грустной, и я, конечно, вообразил, что это ей так жаль расставаться со мной на лето.

– До осени, Марусь, – сказал я ободряюще.

Она почему-то молчала.

– Кость, в следующем году меня не будет в этой школе.

– Как это?

В тот момент я понял, что обрушившиеся небеса – это никакая не метафора: меня и впрямь будто придавило к земле, и я стал ниже Маруси.

– Я перехожу в другую, – продолжила она.

– Почему?

– Родители считают, что она... более подходящая. Я надеялась, что не пройду конкурс, но вот родители сейчас сказали, что прошла.

Я всё ещё не верил в то, что слышал. Маруся переходит в другую школу! А я остаюсь! Каждый день приходиться в школу и не видеть её... Это был удар под дых.

– Но, если ты не хочешь, можно же так и сказать, – не отчаивался я. – Моя мама точно поняла бы...

– Я пыталась. Они говорят: «У тебя даже подружки настоящей за четыре года не нашлось, а там наверняка найдётся».

– Подружки, может, и нет, зато есть друг!

Я понял, что об этом Маруся постеснялась сказать.

– Должен быть выход, – не унимался я.

– Завтра уже заберут мои документы.

– А я поговорю с директором. Как бывший тайный сын.

И он их не отдаст.

Маруся испуганно замотала головой. И тут меня пронзила страшная догадка, что ей не так уж важно остаться со мной в одном классе, что она уже смирилась с переводом, а может, даже рада ему. Конечно! Для чего ж ещё она так усердно готовилась! Для того чтобы учиться среди таких же умников. И от этой мысли мне стало совсем нехорошо. Зачем что-то предлагать, если нужно лишь достойно попрощаться...

– Что ж, – сказал я холодно. – Кто хочет, ищет возможность, кто не хочет, ищет причину. Желаю тебе успехов в новой школе.

Нет, на самом деле я ей желал лишь одного – миллион раз пожалеть о своём решении и вернуться обратно. Но я понимал, что вероятность такого развития событий близилась к нулю.

И я пошёл прочь, а она осталась.

Я брёл один по весенним московским улицам. Солнце грело слабо, и я зяб. Прохожие говорили громко и весело. Мне не хотелось домой, я позвонил маме предупредить, что ещё немного задержусь.

Я шёл и шёл, но от бессцельности моего пути становилось всё тоскливей. И я повернул к дому. Забылся и не успел сде-

лать радостное лицо.

– Ты что такой смурной? Устал? – забеспокоилась мама.

– Немного, – ответил я и заулыбался из последних сил, опасаясь, что мама начнёт допрос.

Мне так хотелось побыть одному. Но я не знал, чем заняться, куда себя деть.

– Ужинать будешь?

– Нет, я в школе объелся.

Я занялся уборкой на своём письменном столе, и тогда немного отпустило. Потом собрал сумку вещей на дачу, куда мы отправлялись на следующий день.

Противное опустошение вновь настигло меня, когда я лёг спать. Как случилось, что всё рухнуло в одно мгновение, безо всякого предупрежденья, в самый хороший день? А впереди вместо упоительной свободы теперь маячит чёрная дыра размером с целое лето?

«Не стоит преувеличивать своё горе, – заговорил во мне оптимист. – Вы же сможете созвониться, увидеться. К тому же теперь можно забить на войну с математикой и английским...»

«Нет, – отвечал пессимист. – Она станет другой. Чужой. Помнишь, у тебя был на даче хороший друг – одно лето он пропустил, а уже к следующему так изменился, что дружить вы больше не смогли. А уж в школе для умников Маруся быстро поймёт, что ты ей не пара».

И я чувствовал, что правда на стороне пессимиста.

Другим неприятным ощущением было то, что я стал сильно старше. В том числе старше Никитки. И нет смысла ему звонить – он не поймёт.

...Я глядел в окно электрички и старался не пропустить тот волшебный момент, когда городские пейзажи сменяются сельскими, серые высоты – деревянными домами с огородами, на которых вскопаны первые грядки. Но, задумавшись над превратностями своей судьбы, я снова не заметил, как поезд пересёк эту невидимую границу. За окном уже потянулись косогоры с чёрными подпалинами, расхлябанные дороги, свежее-зелёные берёзы и дачные участки с белыми облаками вишен.

Мама, сидевшая напротив, всё вглядывалась в меня, пытаясь разгадать причину моей грусти.

А вот и наша станция. На платформе пахло весной и немного – мазутом. Электричка убежала вдаль, а папа поспешил на помощь старушкам, тянущим за собой сумки на колёсиках.

Мы поднялись на лестницу над путями – оттуда было видно небо от края до края на все четыре стороны, в Москве я столько неба никогда не вижу. И тут у меня в рюкзаке зазвонил телефон. Достаяю. Маруся. Сердце чуть не выпрыгивает из груди, а телефон – из рук. Надежда и страх встречаются в последней схватке.

– Привет!

– Привет! – Она помялась одну секунду, за которую надежда и страх успели пять раз уложить друг друга на лопатки. – Я просто хотела сказать, что вчера поговорила с родителями, а сегодня они говорили с директором и, в общем, решили пока меня не переводить. Вот так.

– Я очень рад. Очень.

– Я тоже. Хорошего лета и до встречи в средней школе!

– До встречи.

Это был самый счастливый момент за десять лет жизни. Счастье моё было так же безгранично, как это весеннее голубое небо. «Маруся отказалась от умников ради меня! Неужели это возможно?» «А не зря ли?» – попробовал вмешаться пессимист. «Нет, всё правильно, всё так, как должно быть!» – я чувствовал это всем сердцем.

Уф, неужели дописал... Всего за месяц изложил четыре года! Горд собой. Удивительно, что многие события кажутся интереснее, когда их вспоминаешь, чем когда их переживаешь. Но я честно старался не приукрашивать. Продолжение обязательно последует!